

ВОЙНА И МЫ

АРТЕМ ДРАБКИН

**Я ДРАЛСЯ
В СС
И ВЕРМАХТЕ**

ВЕТЕРАНЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

Артем Владимирович Драбкин
Я дрался в СС и Вермахте.
Ветераны Восточного фронта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5009103

Артем Драбкин. Я дрался в СС и Вермахте. Ветераны Восточного фронта: Яуза, Эксмо; Москва;
2013

ISBN 978-5-699-62948-0

Аннотация

Новая книга ведущего военного историка. Откровенные беседы с ветеранами Вермахта и войск СС, сражавшимися на Восточном фронте. «Окопная правда» немецких солдат и офицеров, выживших в самых кровавых побоищах Второй Мировой, чтобы рассказать, каково это – воевать против России.

Книга также выходила под названием «“Окопная правда” Вермахта. Война глазами противника».

Содержание

Предисловие	5
Эверт	7
Загер	26
Эрт	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Артем Драбкин Я дрался в СС и Вермахте. Ветераны Восточного фронта

По материалам сайта «Я помню» www.iremember.ru

Переводчики *Анастасия Пупынина, Валентин Селезнев и Ольга Рихтер*

Автор-переводчик интервью с В. Эрнстом *Владимир Кузнецов*

Предисловие

Желание опросить немецких ветеранов созрело у меня достаточно давно. Любопытно было взглянуть на события того времени со стороны противника, узнать реалии жизни немецких солдат, их отношение к войне, к России, к морозу и грязи, к победам и поражениям. Во многом этот интерес питался опытом интервью с нашими ветеранами, в которых открывалась иная история, чем та, выхолощенная, изложенная на бумаге. Однако я совершенно не представлял, как к этому подступить, особенно учитывая свое незнание немецкого языка. Несколько лет я искал партнеров в Германии. Периодически появлялись русскоговорящие немцы, которым вроде бы эта тема была интересна, но проходило время, и оказывалось, что дальше деклараций дело не шло. И вот в 2012 году я решил, что пора приниматься за дело самому, поскольку времени ждать уже нет. Начиная этот проект, я понимал, что реализовать его будет непросто, и первой, самой очевидной, проблемой был поиск информантов. В Интернете был найден список ветеранских организаций, составленный еще, наверное, в 70-х годах. Я попросил живущую в Голландии, но хорошо говорящую по-немецки Ольгу Милосердову начать обзвон. Во-первых, выяснилось, что все эти организации – это один человек, координатор, у которого иногда можно было узнать о его однополчанах, но в основном ответ был простой: «Все умерли». Почти за год работы были обзвонены около 300 телефонов таких ветеранов-координаторов, из которых 96% оказались неправильными, 3% умерло и по полпроцента составляли те, кто либо отказался от интервью по разным причинам, либо согласился. По итогам этой части работы можно сказать, что неформальные ветеранские объединения в Германии (имеется в виду ее Западная часть, поскольку в Восточной они вообще были запрещены) практически перестали существовать с 2010 года. Связано это прежде всего с тем, что они создавались как частная инициатива. Через ветеранские организации не осуществлялось никакой материальной или иной помощи, и членство в них не давало никаких преимуществ в отличие от подобных объединений в бывшем СССР и России. Кроме того, практически не существовало объединений ветеранских организаций, за исключением ветеранской организации горнострелковых частей и организации кавалеров Рыцарского Креста и Объединения репатриантов, пленных и пропавших во время войны. Соответственно, с уходом основной массы ветеранов и немоцью оставшихся связи разорвались, организации закрылись. Отсутствие таких объединений, как городской или региональный совет, приводило к тому, что, опросив информанта в Мюнхене, на следующее интервью можно было уехать за 400 километров, в Дрезден, чтобы потом вернуться обратно в Мюнхен, потому что информант в Дрездене дал телефон своего мюнхенского знакомого. Таким образом, за те несколько недель, что я провел в Германии, я намотал на машине более 10 000 километров. Стоимость одного интервью получилась очень большой, и если бы не поддержка компании Wargaming, авторов игры «World of Tanks», и издательства «Яуза», то проект так и не был бы реализован. Огромную помощь в поиске ветеранов оказал Петер Стегер (Peter Steger). Сын солдата, прошедшего русский плен, он не только возглавляет общество городов-побратимов Эрлангена и Владимира, но и собрал воспоминания бывших военнопленных, сидевших в лагерях Владимира (<http://erlangenvladimir.wordpress.com/category/veteranen/>). Еще один человек, который помог мне в работе, – историк Мартин Регель, занимающийся историей Ваффен СС. Он передал две записи интервью с ветеранами. В дальнейшем, увидев реакцию интернет-сообщества на выкладываемые мной интервью, он отказался от сотрудничества. В книгу также включено интервью Владимира Кузнецова. Его опыт жизни в Германии, знание реалий и языка позволили ему получить интервью, намного более информативные, чем мои. Надеюсь, наше сотрудничество продолжится и в будущем

и новые интервью, как и те, что вошли в книгу, будут выкладываться на сайте «Я помню» www.iremember.ru в разделе «Противники».

Отдельно хочу сказать спасибо Анне Якуповой, которая взяла на себя заботы по организации многочисленных перелетов, переездов, гостиниц. Без ее помощи работа была бы сильно осложнена.

Что касается проведения самого интервью, то, разумеется, оно было осложнено тем, что шло через переводчика, который передавал лишь общее направление разговора (в противном случае оно заняло бы в два раза большее время), и мне было непросто реагировать вопросами на рассказ и что-то уточнять. Однако переводчики великолепно справились со своей работой. Большая часть интервью была последовательно переведена Анастасией Пупыниной, которая на основе проведенных интервью будет писать магистерскую диссертацию в университете Констанца. Помимо работы переводчика, она занималась организацией интервью с ветеранами и в рамках проекта продолжает поддерживать контакты с некоторыми из них и после встречи. Помимо нее, мне повезло работать с Ольгой Рихтер, великолепно справившейся с задачей, а также переводчиками аудиозаписей Валентином Селезевым и Олегом Мироновым. В итоге этой совместной работы получились тексты, которые и по стилистике, и по информативности, и по эмоциональной нагрузке сильно отличаются от интервью с нашими ветеранами. Неожиданным оказался и тот факт, что в Германии, в отличие от стран бывшего СССР, практически нет того отличия между письменной и устной речью, которое выражается в строчке: «Одни слова для кухонь, другие – для улиц». В интервью также практически отсутствовали боевые эпизоды. В Германии не принято интересоваться историей Вермахта и СС в отрыве от совершенных ими преступлений, концлагерей или плена. Практически все, что мы знаем о немецкой армии, мы знаем благодаря популяризаторской деятельности англосаксов. Не случайно Гитлер считал их близким «расе и традиции» народом. Читая эти рассказы, рекомендую воздержаться от каких-либо оценок слов респондентов. Война, развязанная преступным руководством, отняла у этих людей лучшее время жизни – молодость. Более того, по ее итогам выяснилось, что они воевали не за тех, а их идеалы были ложными. Оставшуюся, большую часть жизни приходилось оправдываться перед собой, победителями и собственным государством за свое участие в этой войне. Все это, разумеется, выразилось в создании собственной версии событий и своей роли в них, которую разумный читатель примет во внимание, но не будет судить. Субъективность суждений свойственна всем людям. Разумеется, что субъективность воспоминаний наших ветеранов нам близка и понятна, а бывшего противника – вызывает определенные негативные эмоции: слишком много страданий принесла та война и слишком много в нашем современном обществе связано с ней. Тем не менее мне бы хотелось, чтобы, открывая эту книгу, читатель рассматривал людей, согласившихся рассказать о своей жизни, не как потенциальных виновников в гибели его родных и близких, а как носителей уникального исторического опыта, без познания которого мы потеряем частичку знаний о Победителях.

Эверт
Готфрид (Ewert, Gottfried)
Синхронный перевод – Анастасия Пупынина
Перевод записи – Валентин Селезнев

– Я родился в 1921 году, так что, когда началась война, мне было 18 лет. Меня должны были призвать осенью 40-го года, но призвали меня досрочно, и уже в декабре 1939 года я поступил во второй пехотный полк одиннадцатой пехотной дивизии в Алленштайне, в Восточной Пруссии. С этим полком в звании ефрейтора я участвовал во французской кампании. Честно говоря, участвовать в боях во Франции мне не пришлось. Наша дивизия была в резерве и шла сзади. Но мы невероятно много шли пешком за наступающими частями. При запечатывании котла под Дюнкерком за 48 часов наш полк прошел 150 километров! Это сумасшествие! Французская кампания была выиграна моторизованными частями, а не пехотой. После войны во Франции всю дивизию перебросили обратно в Восточную Пруссию, на мою родину.

Уже в январе месяце 1941 года я поступил в военную школу в Потсдаме, в которой учился пять месяцев, и в мае я вернулся в свой полк в звании лейтенанта. В полку я принял пехотный взвод. Я всю войну прошел со своим полком. Семь раз был ранен, но всегда возвращался обратно. И покинул его только осенью 1944 года, когда в Курляндии был тяжело ранен – разрывом мины мне почти оторвало стопу. На этом моя война закончилась.

– **Перед тем как началась война с Советским Союзом, у вас было чувство, что скоро начнется?**

– Нет... совсем нет. Я весной 41-го в университет поступать собирался. Много учился и очень был удивлен, когда началась война. Ночными маршами мы вышли к границе с СССР. Минимум неделю шли ночами и вышли к литовской границе где-то 20 июня, совсем незадолго, за пару дней до начала войны. Мы совсем не знали, что нам предстоит. Во время этого

марша ходили тысячи слухов. По одной из версий Советский Союз должен нам был дать проход через Кавказ в Персию и оттуда в Африку. То, что мы нападём на Россию, никому и в голову не приходило.

Вечером, за несколько часов до начала войны, нам зачитали обращение Гитлера. Было сказано, что завтра в три утра мы наступаем, были выданы боеприпасы, и дело началось. Все было очень быстро. Возможности о чем-то подумать не было. Помню, вечером ко мне подошел старый фельдфебель и как-то очень неуверенно и удивленно спросил: «Скажите, господин лейтенант, может, вы мне можете объяснить, почему мы нападаем на Россию?» Что я мог объяснить?! Такой приказ! Мы были очень удивлены. То, что наверху, руководство, знало, это понятно. Но для нас, внизу, это был полный сюрприз. Полный! Но как солдат ты получаешь приказ и маршируешь выполнять – дело понятное.

Мы начали наступление из Кромбахского леса, находившегося на бывшей прусско-литовской границе. Наша рота была на велосипедах, поскольку по опыту французской кампании в каждом пехотном полку одна рота была посажена на велосипеды. В первые дни войны я безумно много ездил, но в итоге было решено от них отказаться, поскольку дорог для них не было. В России нельзя вести войну на велосипедах.

Первый бой был с русскими пограничниками. Пограничная застава заняла оборону в оборудованных окопах. Первые потери, первые пленные. Несмотря на сопротивление, в этот день мы прошли 30 километров по Литве. Через несколько дней мы вышли на реку Юра у города Паюрис. К этому времени полк уже потерял пять офицеров.

На Юре пришлось штурмовать бетонный бункер укрепрайона. ДОТы еще не были готовы, не замаскированы, но уже были заняты войсками. Переправа через реку и штурм были непростыми, и у нас были очень чувствительные потери. Русские солдаты, как и ожидалось, сражались очень храбро и были очень устойчивые в обороне. С ними было тяжело. Но мы с самого начала, с первых тяжелых боев, привыкли их побеждать.

На третий день начались интенсивные контратаки русских танковых частей. Как я потом узнал, это был 12-й мехкорпус. На реке Дубисса нас атаковали KB-2, Klim Woroschilow (здесь и далее латиницей выделены слова, произнесенные по-русски. – А. Драбкин) номер два. У него вот такая пушка 15 сантиметров! Огромный танк! Абсолютно, абсолютно непобедимый! Пехота могла от него только убежать. С ним ничего нельзя было сделать! С ним могла справиться только зенитка калибра 8,8 сантиметров. Этот танк появился на мосту через Дубицу. Переехал мост, раздавил наши противотанковые пушки, раз-два и готово. К счастью, потом он застрял. Они были слишком тяжелые и неманевренные.

Были напряженные бои с русскими танками Т-26, но нашими противотанковыми средствами мы их отбивали. Этот 12-й механизированный корпус впоследствии был разбит нашими танковыми частями. Когда мы маршировали на Ригу, неожиданно из леса выехали три русские машины и пристроились в нашу колонну. Их окружили, и тех, кто в них был, взяли в плен. Одним из пленных оказался генерал, командир этого самого 12-го механизированного корпуса. Он не знал, что мы так далеко продвинулись.

«Описывает начальник 15-й роты 3-го пехотного полка 21-й пехотной дивизии оберлейтенант Ритген (Ritgen): «Это случилось, в 10.30 в лесу около Кекавы (Кекау), примерно в 20 км от Риги, когда произошла краткая остановка. Подразделения и части, несколько растянувшиеся из-за быстрого темпа, сомкнулись и построились для атаки и броска на Ригу... Пока они стояли, произошел инцидент, характерный для тогдашней обстановки. Из леса послышался шум моторов, и прежде, чем мы поняли, что происходит, из лесной просеки выкатились на наше шоссе три закрытые легковые машины. Команда, отзыв, оружие взято на изготовку, возбуждение там и тут, и загадка уже разрешена. Русский корпусной штаб, ничего не подозревая, попался нашей маршевой колонне и мгновенно был окружен

нашими солдатами. Сопротивление и бегство были невозможны. Так дешево в дальнейшем мы никогда не брали в плен русских генералов – им пришлось с их автомашинами включиться в нашу маршевую колонну и под охраной участвовать в броске на Ригу». Кто тогда попал здесь в плен, не догадывался никто. Сегодня это довольно ясно – генерал-майор Шестопалов, командующий 12-м механизированным корпусом с его ближайшим штабом». (Комментарий с форума ВИФ2.)

Надо сказать, что на севере русские силы окружить не удалось. Русские отступали в порядке и по приказу. Они взорвали все мосты.

Когда брали Ригу, я был в передовом отряде, составленном из моторизированной части и нашей роты. Нашей целью были мосты под Ригой. Тяжелейшие бои. Мост, который мы должны были захватить, взлетел на воздух прямо передо мной. Я не добежал до него 15 метров. В тот день у нас в роте погибло более 30 человек.

При взятии Риги моя рота потеряла всех офицеров. Командир роты погиб, двое взводных были ранены. Меня назначили командиром роты, но через несколько дней и меня ранило. Так что я недолго командовал ротой, да и слишком молод я был для этого. Как меня ранило? В городе Вользаков выпянул за угол дома и неожиданно увидел, что на ограде какого-то садика сидит русский солдат. Увидев меня, он вскочил, бросил ручную гранату. Она взорвалась рядом со мной. У меня весь бок был в осколках. Первую помощь оказал врач полка, а потом меня отправили в литовскую больницу в Шяуляе. Там мне сделали несколько операций, осколки вытащили. Из Шяуляя меня самолетом перевезли в Кенигсберг, а уже в августе я снова в полку.

Когда вернулся из госпиталя, был на разных должностях, адъютантом батальона, взводным в разных ротах. У нас были такие потери, что в мае 1942 года полк стал двухбатальонного состава.

– Основные потери у вас были от стрелкового оружия или от артиллерии?

– От стрелкового. От артиллерии в первое время меньше, но потом основные потери были от артиллерии.

– Как вы можете оценить, кто был у немцев эффективнее – пехота или артиллерия, от кого русские больше страдали?

– Русские страдали от нашей артиллерии. У нас были отличные корректировщики и высокая концентрация огня. Так что, когда пехота шла в наступление, сопротивление уже было сломлено.

Когда мы вошли в Россию – вот там начались настоящие бои. Под Сольцами наша дивизия попала под контрудар. Я в это время лежал в госпитале, но слышал потом рассказы, как был атакован штаб нашей дивизии. Слава богу, командира дивизии там не было, он был впереди. Потери были очень большие. Например, в соседней дивизии, которая шла за нами, во время обеда солдаты собрались у полевой кухни. В этот момент их атаковали. Результат – 46 трупов в роте. Сначала мы были неосторожными, но быстро выучились. По результатам этих боев было большое разбирательство.

– Как вас встречало местное население в Прибалтике?

– Местное население нам было очень, очень радо. Когда мы переходили литовско-латвийскую границу, нас встречали пирожками и холодным молоком из ручья. Я съел горячий pīrog и запил его холодным молоком, в результате сильно испортил себе желудок.

– **От немецких солдат часто можно услышать, что русские солдаты были очень жестокими. Что вы можете сказать по этому поводу?**

– Уже на третий день войны солдаты из соседнего полка попали в плен. Русские им выкололи глаза и всех убили. Один фельдфебель притворился мертвым и потом рассказал. Это стало широко известно, и с самого начала был страх, что в плену будут плохо обращаться, издеваться. Такой настрой был почти до самого конца войны. Мы больше боялись попасть в плен, чем умереть. Только в конце войны стало совсем наоборот.

– **Вы видели, чтобы русские солдаты сдавались в плен организованно, подразделениями?**

– Я сам этого не видел. Мы брали довольно много пленных, кроме того, очень много было перебежчиков. Мы всегда знали планы русской стороны, потому что перебежчики нам всегда рассказывали. Так продолжалось до конца войны. Конечно, когда у русских начались успехи, перебежчиков стало меньше, но все равно были. Потому что им было страшно, они знали, что при наступлении они встретят сильное сопротивление. Они боялись за свою жизнь, и это понятно.

– **В вашей роте или батальоне кто-нибудь перебежал к русским?**

– Да. В моей роте зимой 1941/42 года один перебежал на сторону русских. Он был старый коммунист, но мы этого не знали. Это был политически убежденный человек, абсолютный противник режима. Однажды он исчез, а потом у нас появились листовки с его обращением. Так мы узнали его судьбу. Но это было очень, очень редко. У одного вообще перебежать не получилось, русские его обратно послали, не взяли, испугались, что он опять обратно перебежит, он не смог им доказать, что он их друг.

В августе мы взяли Новгород и должны были наступать дальше на восток, но это наступление отменили, и мы пошли вдоль реки Волхов и большой дороги на север, в направлении Чудово. В сентябре мы были к северу от Чудово, недалеко от Кириши. В этом город был большой нефтеперерабатывающий завод.

«В 1920-х годах было открыто железнодорожное движение по линии Ленинград – Мга – Сонково, построен мост через р. Волхов и возникла железнодорожная станция Кириши. Вокруг станции началось строительство рабочего поселка, который тоже назвали Кириши. В нем был построен комбинат стандартного домостроения и началось строительство крупного лесохимкомбината и спичечной фабрики (было прервано войной).

В 1961 году в Киришах началось строительство нефтеперерабатывающего завода. В 1963 году Киришская стройка была объявлена Всесоюзной ударной комсомольской стройкой». (Комментарий с форума ВИФ2.)

Так получилось, что в этом месте мы застряли до начала 1943 года. Топтались туда-сюда, на одном месте.

– **Почему, с вашей точки зрения, советская сторона смогла остановить ваше наступление?**

– Да, у них это получилось просто потому, что у нас кончились силы. С севера, например, всю первую танковую группу перевели в центр. И у нас не осталось никаких моторизованных и танковых частей, только пехотные дивизии. Тем не менее мы могли бы дальше наступать, но началась зима, к которой мы были полностью не готовы. Перед началом зимы мы еще наступали в направлении Волховстроя, в котором была большая электростанция. А зимой мы там застряли, потому что замерзли, у нас не было вообще никакой зимней одежды.

– Какой процент новых солдат был к осени?

– Тяжело сказать. В пехотной роте было 180 человек, из них 40 в обозе, примерно 150 человек в трех взводах воевали. Но такое количество было только в начале. Потом в ротах было по 60—80 человек. После 22 июня полностью укомплектованными мы больше никогда не были. К осени потери составили две трети от общей численности. Во взводе было 48 человек, к осени из тех, с кем я начинал кампанию, осталось 10 с учетом того, что многие, как и я, возвращались из госпиталей в свою часть. Остальные новые. В каждой дивизии был резервный батальон, из которого солдат и унтер-офицеров распределяли по ротам в зависимости от потерь. Надо сказать, что первый полный резервный батальон дивизия получила только в ноябре 1941 года. До того приходили отдельные бойцы, как я, например, прилетел из госпиталя. К этому времени роты были уже очень слабые.

– В конце осени, до наступления зимы, какое в пехоте было настроение?

– Мы уже многих потеряли, но, когда есть успехи, настроение хорошее. В октябре наступил период распутицы. Дивизия встала между Чудовом и Волховстроем. Двигаться вперед мы не могли. Потом мы продолжили наступление в направлении на Тихвин. Мы наступали, каждый день брали деревню или две, снова и снова наступали, с большим трудом, с большими потерями, но все-таки продвигались.

Тут пришла зима с этими ужасными морозами, и боевой дух упал, хотя силы наступать еще были. Представьте: 40 градусов мороза, а вместо зимней одежды у вас только шене-лишка без подкладки, тонкие штаны и сапоги. Никаких fufaeк с ватой! У нас даже зимних шапок не было! Были пилотки, которые мы заворачивали на уши, но это не спасало. Было пиздец как холодно! Ты мерзнешь, думаешь не о войне, а о том, как выжить, как согреться, больше ни о чем. В таких условиях наступление быстро заканчивается. Русские перешли в контрнаступление, и наши части, которые были в Тихвине, должны были отступить до железнодорожной линии Москва—Ленинград. На линии железной дороги у нас была оборонительная позиция.

Во вторую зиму мы получили зимние сапоги на меху, настоящую зимнюю одежду. Но, надо сказать, вторая зима была не такая холодная, как первая.

– Как вы спасались от холода в первую зиму? Были какие-то хитрости?

– Ха-ха. Против холода не существует хитростей... Ноги замерзали очень быстро. Если у вас кожаные сапоги и вы ходите по колено в снегу, то снег тает на коже, вода проникает сквозь поры, и у вас мокрые ноги. На морозе сапоги промерзают. Если у вас промерзли ноги при минус 30, то на следующее утро у вас нет ног. Потери от обморожений были гораздо выше, чем боевые потери. Поэтому засовывали в сапоги бумагу. У павших русских солдат снимали валенки. Я лично этого не делал, но могу представить, что кто-то менял свои сапоги на валенки у военнопленных.

Это было во время наступления на Волховстрой. Я был тогда адъютантом батальона. Мы пришли в населенный пункт Глашево переночевать. Развели костер. Я снял свои абсолютно мокрые сапоги и положил их к огню, чтобы высушить. На следующее утро я обнаружил, что они ссохлись и стали совсем маленькие. Я не мог их надеть и, чтобы натянуть, стал бить ногой по стене, пока не вбил ее в сапог. Так же я поступил и со вторым сапогом. Сделал один шаг, раздался треск, и от обеих подошв отлетели куски кожи. Я остался в одних носках. Я не знал, что делать, но тут, к счастью, пришел наш снабженец, фельдфебель, я у него спросил, нет ли у него случайно сапог. Он выяснил мой размер ноги и дал мне абсолютно новые сапоги, даже еще ни разу нечищенные. Я был счастлив! Выкинул мои старые сапоги, надел новые, а через восемь дней уже лежал в госпитале в новых сапогах с новым ранением.

Против холода нет защиты, если нет нормальной одежды. У нас даже одеял не было. Спать в лесу при минус 30, когда нет одеяла, только тонкое пальто, — это смертельно опасно.

– Русские солдаты получали водку, чтобы согреться, ежедневно. У вас было что-то подобное?

– Водка? Алкоголь? Да иногда из Риги привозили коньяк, но не от мороза. Алкоголь на морозе не согревает, а убивает. Это только в первый момент кажется, что тепло.

– Горячая еда была все время?

– Да. Наша полевая кулинария училась у русских. В 1905 году, на русско-японской войне, на русской стороне были немецкие наблюдатели. Там они увидели первые полевые кухни. Они установили, что за счет того, что еда готовилась во время марша, а не после него, скорость марша увеличивалась в два раза. Полевые кухни были сразу же скопированы немецкой армией, и в 1914 году наша действующая армия была ими вооружена. Кухни работали отлично! С ними рота могла делать дневной переход в тридцать километров.

– Осенью как вам объясняли, что блицкриг не сработал?

– Ха-ха, объяснять нам ничего не объясняли. Мы должны были продолжать воевать, хотим мы или не хотим. Мы, конечно, заметили, ха-ха, что блицкриг не сработал, но война шла дальше, надо было воевать.

– Отношение местного населения в России отличалось от того, что было в Прибалтике?

– Я бы сказал, что во время наступления мы с местным населением особенно не общались. Но в обороне, например у Чудово на линии Чудово—Ленинград, где мы долго стояли, там было много гражданского населения. Это гражданское население работало у нас в обозах. За еду они нам стирали одежду и помогали по хозяйству. Были очень хорошие, разумные отношения.

– Как было с парикмахерами, вы носили усы или бороды?

– Нет. У нас обычно были короткие волосы, но не такие короткие, как в Красной Армии, а нормальные короткие волосы, плохо постриженные, потому что возможности не было. Побриты мы были тоже плохо. Мы, конечно, пытались быть чистыми, насколько возможно, но в грязном окопе нельзя быть чистым. В наступлении и в отступлении это вообще невозможно. Особенно плохо в отступлении — в наступлении хотя бы паузы бывают. Мы очень быстро у русских выучились, как построить сауну или баня. В 41-м я уже построил первую баня. Старались минимум раз в неделю, или когда возможность была, помыться. Днем часто ничего не происходило, было тихо, и мы отходили назад, парились, потели, надевали чистое белье, пытались избавиться от вшей. Когда я был адъютантом батальона, штаб которого располагался в относительном тылу, все было гораздо проще. Там у нас были разумные удобства, можно было ежедневно мыться и бриться. А когда сидишь в дыре, это невозможно. Но мы пытались мыться и оставаться чистыми. Если не мыться, то солдат быстро выходит из строя. И у меня был один солдат, который таким способом пытался себя сделать непригодным к службе. Не мылся, пытался получить чесотку и попасть в госпиталь. Мои унтер-офицеры каждое утро его заставляли мыться.

– В вашем батальоне были ХИВИ?

– Да. Два-три человека на роту. Помогали воду принести, топили печки, за лошадьми ухаживали, в обозе работали. Потери были большие, людей не хватало, вот они заменяли

немцев на подсобных работах. Оружия у них не было, в боях они не участвовали. Я знаю, что многие из них строили дороги. Гати мостили через болота. Это были очень хорошие люди, которые всегда шли рядом с нами даже в отступлении. Мы знали друг друга, вместе жили, и отношения были очень хорошими. Никаких проблем.

– Какое оружие было у вас во взводе?

– В батальоне были три стрелковые роты и рота тяжелого оружия. В тяжелой роте были два взвода тяжелых пулеметов и один взвод минометов 81 миллиметра. Пехотный взвод стрелковой роты имел обычно четыре отделения, каждое отделение из 10 человек, которым командовал унтер-офицер с пистолетом-пулеметом, один легкий пулемет, у остальных были карабины. В 1943-м мы получили новое оружие – автоматические карабины – штурмгеверы. У нас в полку проводились их армейские испытания. Наш батальон первым был полностью перевооружен штурмовыми винтовками. Это прекрасное оружие, дававшее невероятное увеличение боевых возможностей! У них были короткие патроны, так что боеприпасов можно было брать больше. С ней каждый человек становился практически пулеметчиком. У них поначалу были детские болезни, но их исправили. У нас даже изъяли пулеметы, но в конце 1943 года под Колпино мы установили, что с этими винтовками, но без пулеметов мы в обороне не можем обойтись, и очень быстро пулеметы ввели обратно. Так что во взводе были пулеметы и штурмовые винтовки. Другого оружия у нас не было. В самом начале войны в роте были еще 5-сантиметровые минометы, но их очень быстро сняли с вооружения, во-первых, потому, что они были очень тяжелые, а во-вторых, потому, что много боеприпасов с собой не возмешь – тоже очень тяжелые.

– Верно ли, что пулемет был основным оружием в обороне?

– Да. Ну и артиллерия, конечно. Главное оборонительное оружие – это все же артиллерия. Она несет основную нагрузку. Пехота вступает позднее, если случается что-то неожиданное. Основное оружие пехоты в обороне – карабин, штурмовые винтовки, легкий пулемет и тяжелый пулемет, на лафете. У нас в пехотном полку были еще две специальные роты – противотанковая рота, с 3-, 7- и 5-сантиметровыми противотанковыми орудиями и одна рота пехотных орудий, из двух легких взводов – шесть легких, 7,5-сантиметровых пушек, и одного взвода тяжелых пушек 15 см, которые подчинялись непосредственно пехотным командирам. Они всегда были с нами, это было, конечно, очень большое усиление.

– Чем были вооружены командиры?

– У командиров взводов и рот были пистолеты-пулеметы. Также были пистолеты. У меня был П-38 «вальтер».

– Ручные гранаты?

– Да, конечно, «колотушки», их потом сняли с вооружения. В 1942 году были яйцо-гранаты. Их выдавали по потребности, когда надо, на марше их в машинах перевозили, у солдат было достаточно поклажи. К атаке их выдавали. Мы их носили в поясной сумке, реже в рюкзаке, чтобы был резерв.

– Зимой оружие отказывало?

– Да, зимой, при низких температурах, смазка замерзала и оружие не работало, но с этой проблемой легко было справиться – надо было просто полностью убрать смазку. Дело опыта – мы этому быстро научились. Пулеметы прекрасно работали. МГ-42 был первоклассный, очень хороший пулемет, никогда не отказывал.

– Трофейным оружием пользовались?

– Перед тем как меня первый раз ранило, я добыл себе русский пистолет-пулемет, потому что у меня немецкого не было. Он был очень хорош, но где он остался, я не знаю. Но это скорее случайность. Русский пистолет-пулемет работал прекрасно. У него был или дисковый магазин, или рожок. Дисковый магазин был хороший, но тяжелый. Оттягивал ствол вниз, не очень сильно, но оттягивал. С винтовкой СВТ мне сталкиваться не приходилось.

– У Киришей в обороне вы рыли окопы? Там же сплошные болота.

– Окопы? Рыли в промышленных количествах. У каждого солдата была саперная лопатка, которую носили на поясе. Можно сразу было вырыть небольшое углубление, чтобы спрятаться. В обозе был шанцевый инструмент. В болотистой местности из стволов деревьев строили бункеры. Причем стены делали из двух слоев бревен, а промежуток между ними заполняли землей. Я себе бункер сделал в насыпи железной дороги Москва—Ленинград. Перекрыл его шпалами.

– Как вы оцениваете тактику русских зимой 42-го года?

– Тут мне надо хорошо подумать. Русские солдаты очень храбрые и способны перенести много страданий, много вынести. Но командование было посредственным. Они все время повторяли одно и то же. Все время одно и то же. Потом, в 44-м, 45-м году, командовать стали лучше, научились водить большие соединения, быстро наступать. Такой пример. Мы отступили к предмостному укреплению в Киришах. Его необходимо было удержать, поскольку надеялись с него начать новое наступление, но сил для этого уже не было. У нас там был усиленный полк и артиллерия, больше ничего не было. Это предмостное укрепление Красная Армия пыталась захватить. Раз за разом, раз за разом, каждый раз одно и то же. Наша дивизия там подбила один за другим 200 танков! Это было абсолютно не нужно. У нас не было никаких сил оттуда наступать! Они это знали! Но Сталин приказал, и они снова и снова наступали. Огромное количество людей там погибло. Можете представить, небольшое пространство, и по нему стреляли три пристрелявшихся артиллерийских полка! Как только мы замечали, что русские снова наступают, артиллерия разносила все в пыль. Конечно, в течение тех трех недель наш полк был натурально перемолот, полностью уничтожен, но мы могли его заменить.

Готтфрид Эверт

– **Когда война началась, какой средний возраст солдат был у вас во взводе?**

– Солдаты были 1937-го года призыва. Старые. Их призвали на два года, но не демобилизовали, оставили служить. Пополнение приходило помоложе, но средний возраст солдат был около 25 лет. Унтер-офицеры постарше, солдаты помоложе. К концу войны призывали в 17—18-летних, но не могу сказать, что их было очень много.

– **Изменялся ли уровень подготовки солдат в начале и в конце войны?**

– Каждая дивизия имела резервный батальон из четырех рот, находившийся на родине. Там солдаты проходили подготовку в среднем на протяжении трех месяцев. После окончания обучения их распределяли по боевым полкам. Уровень подготовки оставался примерно одинаковым.

– **Были ли в вашем подразделении снайперы?**

– Снайперов было немного. Нас было шесть братьев, и все воевали. Двое погибли. Старший брат Хайнц командовал батальоном в моем полку. Одно время я даже служил под его началом командиром роты. Он был награжден Рыцарским крестом и дубовыми листьями к нему. Он ужасно долго был в русском плену. Младший брат был снайпером в первом кенигсбергском пехотном полку. Он был хороший охотник и великолепный стрелок. Под Синявином у него были регулярные дуэли с одним русским снайпером. И он проиграл, потому что один раз ошибся.

– **Как часто вы были в отпуске?**

– Обычно у солдат было три недели отпуска в год. У тех, кто в обозе, – чаще, а у нас чаще были отпуска по ранению. Сначала ты едешь домой, там три недели отдыхаешь, потом едешь обратно. В общем, это занимало минимум месяц. Месяц без войны – это очень хорошо! Поезда с отпускниками отправлялись из Гатчины. Тогда она называ-

лась Красногвардейск. Помню, после очередного ранения я на прекрасном скором поезде поехал на родину. Главное было проскочить район между Красногвардейском, Лугой и Плескау (Псков). Там было очень много партизан, которые взрывали поезда, наносили большие потери. Один раз я вез из-под Ленинграда в Лугу резервную роту, без оружия. Партизаны взорвали дамбу, повредили рельсы. Поезд встал. Я уже было приказал камни приготовить для обороны, но обошлось, слава богу. С двух сторон подошли ремонтные поезда, быстро заменили рельсы, остановили воду. Все это заняло один день.

– Самое опасное русское оружие?

– Самым опасным русским оружием был, без сомнения, танк Т-34. Впервые мы их увидели в ноябре 1941 года. До этого мы сталкивались только с легкими танками и тяжелыми КВ. В ноябре 1941 года пришли первые Т-34, и это было для нас очень неприятно, потому что против них мы ничего не могли сделать. В пехотном полку был один взвод пятисантиметровых противотанковых орудий, но даже они Т-34 спереди не пробивали. Это был танк, который до 1944 года тотально превосходил все типы наших танков. Даже Т-4. С Т-34 мог справиться только 8,8-сантиметровый «Флак». Т-34 был превосходный танк, без каких-либо сомнений. У него был очень большой радиус действия, дизельный двигатель. На одной заправке он мог проезжать 500 км! Для танковых прорывов он был идеален. Потом, когда мы получили «Пантеры» и «Тигры», им стало хуже. «Пантеры» и «Тигры» пробивали танки всех типов.

– Какое оружие вы использовали против танков?

– Т-мины. Их забрасывали на моторное отделение. Так мы уничтожили значительное количество Т-34 у моста в Кириши. Мы одними из первых получили кумулятивные магнитные мины. Бросаешь ее, она прилипает к танку и взрывается. Но хитрые русские быстро приспособились и начали обмазывать танки цементом. В 1944 году мы получили фаустпатроны. Мы тогда стояли под Нарвой. Я, как командир роты, первый его попробовал. Очень хорошее оружие. Но, конечно, русские танковые части очень быстро к ним адаптировались. Не подпускали противника близко. Они знали, что если есть пехота, то ближе 80 метров лучше не подходить. Они останавливались на расстоянии 100—200 метров и расстреливали из пушек, к ним нельзя было подойти. Во время отступления мы потеряли огромное количество противотанковых пушек. Только группа армий «Центр» потеряла 700 противотанковых орудий. Они были слишком тяжелые, их нельзя было тащить, и, если машина сломалась или не было бензина, их бросали. Так у нас не осталось дальнобойной противотанковой артиллерии. И танки Красной Армии это очень быстро обнаружили. Они останавливались на расстоянии и расстреливали пехоту из пушек. Когда пехотинец копает себе укрытие, остается земля, и если нет времени или возможности замаскировать этот холм земли, то он виден танковому наводчику. Вот эти укрытия расстреливались одно за другим. У пехотинцев от этого была депрессия. Слава богу, меня там уже не было – меня ранило при отступлении. То, что я рассказываю, я слышал от моих товарищей. Они там невероятно страдали. Так что каждая армия очень быстро приспосабливается к вооружению другой армии.

– Кому давали фаустпатроны?

– Тем, кто мог с ними обходиться. В принципе они очень примитивно устроены. В конечном итоге в пехоте они у всех были. Русские их быстро скопировали и весь мир изгаздала этими РПГ-7, R-P-G, все арабы и черт знает кто, все сидят с этими РПГ.

– Можете что-нибудь сказать о русской артиллерии?

– Прежде всего, очень массовая, сильная. Стреляла хорошо. Меня один раз буквально «выстрелили» из бункера. Это была 7,62-сантиметровая пушка, которую они использовали для подавления опорных пунктов. Мы сидели в бункере, во второй линии, с первой нас уже выжали. Тут в ста метрах впереди от нас разорвался снаряд. Я еще подумал, что стреляют, вероятно, в меня. Через 2—3 минуты снаряд разорвался в ста метрах за бункером. Я моим солдатам закричал: «Вон отсюда!» Мы выскочили как сумасшедшие, и третий снаряд попал точно в бункер и разрушил его. Вилку нас взяли. Я был рад, что вовремя заметил. Ты либо учишься, либо погибаешь – это как охота на зайцев: старые зайцы знают все трюки. Русская артиллерия была ужасно сильная.

– Русская авиация?

– Сначала русской авиации почти, я бы даже сказал, вообще не было заметно. Очень быстро всех сбили. Я видел, как эскадрилья бомбардировщиков пыталась бомбить Дюнабург (Двинск/Даугавпилс). Их всех, кроме одной машины, сбили. Бомбардировщики очень быстро исчезли. Иногда прилетали «рата», но редко. Сначала они нам не очень мешали. Но когда началось отступление, все изменилось. Нас очень много бомбили. И все же они были не такие сильные, как западные силы, англичане, американцы. Те были гораздо сильнее.

– Были ли прозвища для штурмовых самолетов?

– Да. Тех, что атаковали нас при отступлении русские, по-моему, называли schturmovik. Он был легко бронирован. Они атаковали с бреющего полета. Я еще в них стрелял, но ни одного не сбил. Очень нервировали нас. В 44-м они уже много хлопот доставляли. Еще были легкие ночные бомбардировщики Р-5. Они не сильно вредили, но нервировали. Все время кружили, цели искали. Во время отступления от Нарвы нас атаковала эскадрилья двухмоторных бомбардировщиков «Бостон». Я лежал на картофельном поле, смотрел вверх и видел, как открываются бомболюки. Это было не здорово. Но, к счастью, бомбы пролетели мимо.

– «Сталинский орга€н?»

– Сталинский орга€н, да! Впервые мы встретили его в ноябре 41-го. Он нас очень удивил. В установке было, по-моему, 48 ракет, и, конечно, попасть под его залп было очень неприятно. Я вам так скажу, я часто слышал пуск ракет. И как только я их слышал, я искал укрытие, потому что никогда не знаешь, куда они попадут. Когда разрывы затихали, я шел дальше.

– Вши были?

– О! Да! И сколько! На позиции особо не помоешься, и мы всегда были грязные и завшивленные. Одежда была полна вшей. Помню, под Киришами, я только вернулся из отпуска, на лыжах в Альпах катался. А тут... Земля промерзла, копать невозможно. Ночью динамитом взорвали небольшие углубления вместо окопов, и из подручных средств построили небольшой блиндаж. Днем мы там вообще не могли пошевелиться – тут же русские открывали огонь. Отопления не было, потому что не было ни печи, ни дров, да и если бы русские почуяли запах дыма, то сразу прилетела бы граната. Представляете?! Мы лежали без движения в этой дыре, и нас зажирали вши. Отвратительно! Боролись мы с ними всеми доступными методами. В Киришах построили печь для прожарки: 200-литровая бочка, внизу вода, потом деревянная полка, на которую клали вещи, а сверху крышка.

– Вы этому у русских научились?

– Нет, просто опыт. Мы всегда пытались одно отделение в день посылать в обоз, чтобы они помылись, белье поменяли и вечером вернулись обратно. Но возможность для этого была только на спокойных позициях.

– **Моющие средства были?**

– Да, конечно, получали мыло. Белье регулярно меняли. В обозе его стирали в основном русские женщины, но это все только в обороне. В движении это не получалось.

– **Был ли порошок против вшей?**

– Да, порошок против вшей был. Страшно вонял, но помогал. Когда в 1945-м англичане отпускали из плена, они нас обработали этим чертовым порошком. Все должны были расстегнуть штаны и получить дозу порошка. Англичане боялись эпидемий, так что это они делали не для нашей пользы, а чтобы самих себя защитить. Вши – это ужасно... В Первую мировую войну было то же самое. Наши отцы, воевавшие в Шампани, называли ее «Вшивая Шампань». А еще клопы! Они так воняют! В 41-м году, в Новгороде, мы впервые заняли оборону. Рота стояла на острове между старым и новым Новгородом, а штаб батальона был в старом монастыре. Там был диван, я его себе взял, думал, буду спать со всеми удобствами. Боже, как я выглядел на следующее утро! Я этот диван выбросил, сказал, что я лучше буду на земле спать. В русских домах они жили в стенах. Комнаты в домах часто были внутри обклеены старыми газетами. И мы смотрели, есть ли там маленькие черные дырки. Где они были, там были клопы. Днем они были в обороне, в дырках, а ночью атаковали. В этом монастыре, где располагался штаб батальона, были красивые своды, и один офицер из нашего батальона поставил кровать на середину комнаты, а ножки кровати поставил в банки с водой, думал, что так они до него не доберутся. Ошибся! *Paraschutist*! Они падали на него сверху. Все эти старые монастыри вокруг Новгорода были превращены в сумасшедшие дома. За больными ухаживала врач, племянница Римского-Корсакова, известного русского композитора. Она прекрасно говорила по-французски, была очень образованной женщиной. Однажды я получил приказ сумасшедших эвакуировать, потому что по нам стреляла артиллерия. Я их пешком переводил через Волхов. Среди них были раненые, и эта Римская-Корсакова призывнейшими средствами делала им ампутации...

– **Бордели были?**

– Должны были быть. Но я никогда не был там, где они могли бы быть. Я могу представить, что в Ревеле, например, они были. Думаю, что в Гатчине могли быть, в больших городах, где были тыловые части. На фронте их точно не было. Об этом никто не думал, у нас были другие занятия. Я был в Гатчине, но только по ранению. Это большой город, но находиться в нем было не так приятно, как вы думаете. Периодически стреляли 30,5-сантиметровые пушки русского линкора «Марат». Вот лежишь ты в лазарете, а тут неожиданно прилетала такая штука... – это тоже не очень приятно.

– **О чем вы тогда в основном разговаривали?**

– Обо всем, но мы никогда не говорили о политике. Мы говорили о войне, что нам делать, что исправить. В каждом батальоне был радиоприемник, специальная модель для военных, чтобы на спине носить. Если наушники положить в кастрюлю, то получались неплохие колонки. Мы могли слушать новости. Если в приемнике хорошо поковыряться, то можно было поймать радио Белград, которое вещало из Ленинграда, но это было строго запрещено. В тылу был фронтовой театр. Я в нем был один раз, поскольку за все время войны мой батальон был только один раз на 14 дней взят с фронта. Представляете?! Представление шло в сарае, в нем же я впервые увидел цветной кинофильм. Потом приехал немецкий бро-

непоезд с тяжелыми орудиями, начал стрелять в Ленинград. Через полчаса по нему и по нам тоже начали стрелять, и мы разбежались.

– Были советские листовки?

– Да, их очень много с самолетов сбрасывали. Поднимать их не запрещалось, но они на нас не действовали. В них печатали, сколько пленных в Сталинграде взяли и так далее. Одну листовку я запомнил, она была очень рафинированной. Это было в начале осени 1941 года, в наступлении. Я ее нашел в кустах. На одной стороне была картинка с немецким солдатом, Сталиным и крестом, а на второй стороне было стихотворение, я его до сих пор помню: «Воздух сыр на востоке, / Будет холоднее и еще сырее, / Железные кресты ржавеют, / Деревья растут высоко». Очень выразительно. Дальше там были обычные инструкции по перебеганию. Я подумал: «Ну эти ребята эстеты». Пехота ни русская, ни немецкая на листовки не реагировала – это пропаганда, это нас не интересует.

– На русской стороне фронта были какие-то звуковые установки, музыку передавали, какие-то речи?

– Да, конечно! У Синявино ночью прилетел самолет с громкоговорителем. И закричал: «Немецкие пехотинцы, почему вы такие грустные, у вас что, мармелад закончился? Приходите к нам в Ленинград, там кровати с белыми простынями и красивые бабы». Мы смеялись до смерти! Видите, прошло 70 лет, а я до сих пор это помню.

– Вы думали, что переживете войну?

– Нет, я так не думал. Я думал, что однажды меня достанут. После того как меня семь раз ранили, я думал, что будет еще точное попадание. Но на фронте на это не обращают внимания. Если постоянно об этом думать, то либо сойдешь с ума, либо сбежишь. Солдат на фронте знает, что каждый день, каждую минуту, каждую секунду он может погибнуть. Если постоянно об этом думать, то не выживешь.

– Вы воевали в болотах, на холоде, а могли бы быть во Франции, Италии. Вы воспринимали это как наказание?

– Нет, нет. Просто было так. Но мы были очень, очень недовольны, что мы, будучи плохо оснащенными, должны были выдавать результат. Вот это злило. Когда начинаешь такую кампанию, как можно быть неготовым к тому, что придет зима?! Россия огромная страна, они, сверху, могли бы сообразить, что просто перебежать ее не получится. Такую страну, как Франция, можно перебежать и оккупировать, такую страну, как Россия, так занять нельзя. В дневниках Гальдера в июле 1940 года, когда война во Франции еще не была закончена, есть запись: «Глаза фюрера устремлены на восток». Я установил, что тогда два очень одаренных офицера Генерального штаба получили приказ Гитлера разработать план кампании против России. Это был генерал Маркс, начальник штаба 18-й армии, которая тогда была в Польше, и генерал фон Зоденштерн, который был командующим группой армий. Эти офицеры очень быстро установили, что при нападении на Россию надо как минимум захватить Москву, потому что из Москвы, как из центра паутины, тянутся нити во все стороны. То есть основной удар должен быть в центре, а что делать с флангами? Вот и получился сильный Центральный фронт и расходящиеся фланги. А между ними две дыры – Великие Луки и Холм на севере между группой армий «Центр» и «Север» и в Гомеле между группой армий «Центр» и группой «Юг». Две незаполняемые дыры. Они еще Урал хотели занять?! Какого размера были бы тогда эти дыры? В целом так делать было нельзя. Офицеры это абсолютно ясно сказали. Тогда решили, что Красная Армия будет уничтожена в больших котлах у границы, и в этом случае мы сможем занять территорию. Это почти удалось,

но только почти. Сила немецкой армии уже зимой 1941 года была решительно подорвана. Немецкая армия проиграла войну в России уже зимой 41-го года. В 1942 году, после того как мы в какой-то мере восстановили силы, мы уже не могли наступать на всех фронтах. Только на юге, на другие направления уже не хватало сил.

– **Русские ветераны говорят, что немцы после 1943 года стали «не те».**

– Ну да, я бы сказал, что в 1943 году немецкая армия уже потеряла свое ядро, ранеными и убитыми. Истощение становилось все больше. Длительные отступления на всех фронтах, не только в России, но и в Италии, давали понять, что они ни к чему хорошему не приведут. Но армия не могла закончить войну. Закончить войну должно было политическое руководство. А если оно не хочет, говорит, что надо воевать до конца, армия должна воевать до конца. Армия могла сделать только то, что она попробовала сделать 20 июля 1944 года. Попробовать сделать государственный переворот. Не получилось.

– **Как изменилась ситуация в армии после 20 июля? Насколько мы знаем, был введен институт идеологического контроля?**

– Да, да. Были введены так называемые национал-социалистические руководящие офицеры, никто не хотел становиться на эту должность, а те, кого назначали, ничего не делали. У нас в полку тоже одного назначили. Я от него вообще ни одного слова не слышал. В офицерском корпусе армии национал-социалистическая идеология была не очень распространена. Да, мы боролись всеми возможными средствами с этим чертовым Версальским договором, который Германию мучил, поставил страну на колени. Гитлер его поборол и воссоздал армию, но политическое влияние национал-социализма в армии было очень небольшим. Армия сказала: «Мы сохраняем нашу честь и нашу военную силу на поле боя, но политикой мы не занимаемся». Армия при Гитлере в выборах не участвовала – мы в целом были абсолютно вне политики. Перед войной в армии было очень много людей, которые были не согласны с политическим руководством, но их подавили. С другой стороны, много политически активных людей, когда их призвали в армию, ушли из политики. Это идет еще со времен фон Секта, сформировавшего рейхсвер в Веймарской республике, – армия должна быть вне политики. Мы так были воспитаны. Подумайте, основная масса офицеров, которая вела нас в бой, от командира моего полка до командиров батальонов включительно, была офицерами Первой мировой войны. Конечно, они были счастливы, что Гитлером армия была воссоздана, освобождена из рабства. Это было чудо, как армия возродилась за четыре года, с 1935-го по 1939-й.

– **На начало 1941 года вермахт считался лучшей армией в мире.**

– Да, считался. Мы уж так прямо не думали, но чувствовали себя хорошо, конечно.

– **И почему вы в конечном итоге проиграли?**

– Потому что блоха укусить слона может, а убить нет. Германия слишком маленькая. Армия была в порядке, мы могли защитить Германию от нападения «нормального» врага, мы гордились своим оружием, без вопросов. Даже в России, где части были сильны, храбры, мы были уверены в своих силах, правда эта уверенность была безосновательна, но была. Но на длинном промежутке времени сил было слишком мало.

– **Вы слышали о приказе о комиссарах?**

– Да. Наш командир первого корпуса фон Бот, старый кайзеровский офицер, сказал: «Этот приказ я дальше не передаю». И нам этот приказ не зачитывали. У нас солдаты солдат не расстреливали. Мы друг против друга воюем, но не убиваем. Я вообще ни одного комис-

сара за всю войну ни разу не видел. Русских офицеров много видел, но комиссаров никогда. Зимой 1944-го из-под Луги остатки нашей дивизии, разбитой под Гатчиной, повезли в Эстонию. Там нас должны были пополнить. Через пару дней мы получили приказ взять остров Пийрисаар на Гдовском озере. Мы его захватили ночной атакой по льду. Русские части бежали. Одну часть с зенитными орудиями мы взяли в плен, не дали им убежать. Там был один мертвый русский, который, мне кажется, должен был быть комиссаром. Я очень редко видел так хорошо выглядевшего русского. Настоящий викинг, с не русским, а нордическим лицом. Классный парень, но мертвый. Больше я комиссаров не видел. Мы знали, что они имели сильное влияние на командование, что они повышали устойчивость войск, но я ни одного не видел.

– На фронте вы слышали о комитете Свободной Германии?

– Да, в первый раз услышал после Сталинграда. Я знаю от моего брата, с которым я вместе прошел всю войну и который был в русском плену, что в плену они были очень активны.

– Насколько активно действовала русская разведка?

– Разведывательные группы, а с ними еще часто были штурмовые группы, наведывались часто. Один раз хотели и меня в плен захватить, но у них не получилось. Смешно было... Я, как командир роты, всегда обходил окопы, проверял своих людей, спрашивал, что видно, что слышно. Я их инструктировал, что, если услышат какой-то шорох, нужно бросать гранату или стрелять. И вот пошел на соседний пост по ходу сообщения, и тут на меня из окопа выпрыгнул человек. Он хотел меня схватить, но это, слава богу, не получилось, потому что путь из окопа к ходу сообщения был перегорожен бревном. Я еще днем приказал убрать это бревно, чтобы можно было свободно пройти, но приказ остался невыполненным. Это бревно меня и спасло. Пока он перелезал через него, я одним прыжком заскочил за угол. Он кинул гранату прямо мне под ноги. Все, конечно, проснулись, стреляли, но он уже исчез, а я опять очутился в лазарете.

– Немецкая разведка ходила за «языком»?

– Да, да, конечно. Во время наступления ежедневно ходили, чтобы выяснить обстановку, местность разведать, укрепления, войска, пленных взять и т.д. Мы на оборонительных позициях тоже собирали штурмовые группы, которые старались взять пленных, чтобы узнать, что за войска и их намерения. В основном они много рассказывали. Но в обороне взять пленного не так просто, потому что она была правильно построена и рассчитана на отражение таких атак.

– Вы слышали что-то о штрафных частях?

– Да, конечно. Мы знали, что в русской армии их было много, с самого начала. В немецкой армии тоже были штрафные батальоны. На Ладого меня один раз сменила штрафная часть. Это были осужденные, которых отправили на фронт, и если они себя проявляли, то их реабилитировали. Это были осужденные за разные вещи – например кражи. Дезертиров там не было. За дезертирство расстреливали, как во всех армиях. В тылу наверняка были какие-нибудь изнасилования, и если ловили, то отправляли в штрафной батальон. Каждая дивизия имела военный суд с защитником и прокурором. Если что случалось, то проходило судебное заседание, на котором председательствовал командир дивизии. Наказывали расстрелом, отправкой в тюрьму или в штрафную роту или еще куда. У меня в роте был один солдат из штрафного батальона. Он там Железный крест заработал, и мне его прислали как пополнение. Он мне доложил, я сказал: «Ты реабилитирован, ты обычный солдат».

– Какие отношения были с Ваффен СС? Вы им завидовали?

– Мы очень часто воевали вместе с частями Ваффен СС. Это были великолепные солдаты, которые к тому же были гораздо лучше вооружены, чем мы, – их в первую очередь вооружали. Мы всегда были очень рады, если нашим соседом была часть Ваффен СС, на них можно было положиться. Они не бегали. Другие охотно бегали, а эти нет. С политикой они ничего общего не имели, вообще ничего. Это не значит, что у частей Ваффен СС не было каких-то других задач, о которых мы не знали. Определенно были.

– Как было с суевериями?

– Я не был суеверным. У каждого человека есть какие-то хорошие знаки, еще что-то, но суеверным я не был, нет.

– В бога верили?

– Да, конечно, я лично происхожу из семьи пасторов. Сложилось, правда, по-другому, но изначально я был готов стать пастором. В дивизии у нас были и католический и протестантский священники, которые вели службы. На похоронах они всегда присутствовали, а похорон было много, к сожалению.

– Зарплату получали?

– Да, получали «военные деньги». Обер-лейтенант получал 27 марок каждые 10 дней. Не много, но нам деньги не нужны были. В окопе ничего не купишь. Была лавка, там был алкоголь, сигареты, мыло, это мы должны были частично оплачивать из этих «военных денег».

– Платили наличными?

– Как у профессионального солдата, у меня был счет на родине, деньги поступали прямо на счет, я так хотел. Другие получали наличными. Играли в карты на деньги, потому что деньги все равно не нужны были.

– У командира роты была лошадь?

– Да, у каждого командира роты была верховая лошадь.

– Лошадь или повозка?

– Лошадь и человек, который ухаживал за лошастью. Больше ни у кого не было, командир взвода ходил пешком.

– Повозка была?

– В обозе было очень много. Они боеприпасы и снабжение возили. Обоз пехотной роты состоял из 25 человек: полевая кухня, портной, сапожник. Еще со старой армии рота была полностью самостоятельным подразделением. Каждый вечер, как темнело, приезжал ротный фельдфебель с полевой кухней или с канистрами, если полевая кухня подъехать не могла, подносчики пищи приходили вперед и нас обеспечивали. Отлично работало. Как пехотинец, ты ничего не можешь иметь при себе. Даже кусок хлеба некуда положить. Были сухарные сумки, жестянки для масла, но на жаре, на марше, все таяло, портилось, скоро эти хлебные мешки исчезли, и все было в обозе. Мы были молодые, есть хотелось все время. Мы были стройные, если не сказать худые.

– Трофеи брали?

– Нет, вообще нет. С русского солдата много не возьмешь. К тому же почти каждый немецкий солдат имел наручные часы. Американцы их воровали. В плену я одного американца видел, у него на руке было восемь часов, он ими гордился. В России ничего нельзя было украсть.

– Были проблемы с языком между немцами из различных регионов?

– Между немцами? Нет, никаких проблем. Были солдаты из Польши, Силезии, которые говорили на ломаном немецком, но мы их хорошо понимали. После кампании во Франции у нас целый батальон забрали на формирование нового полка, и мы получили рекрутов. Я, как ефрейтор, тренировал одну группу этих рекрутов. Один молодой человек был из польского Лодзя. По-немецки он говорил очень плохо. Мы пулемет проходили, со всеми военными терминами. О, боже! Для начала я должен был ему дать урок немецкого языка. Он был очень прилежный, хотел стать хорошим солдатом. И стал им. На Гдовском озере я его еще раз встретил. Я шел по настланной гати через эти ужасные болота, а мне навстречу ехала повозка. И сверху он сидит как кучер! Как меня увидел, соскочил с повозки. Мы обнялись. У нас были очень, очень хорошие отношения с нашими солдатами. Очень товарищеские, человеческие. Один солдат был из Данцигского коридора, красивый блондин по фамилии Мильке. Он в СС хотел поступить, они его не взяли, потому что он не очень хорошо говорил по-немецки. Он был образцовый солдат, все хотел делать только хорошо. На смотр у него на шинели были пятна. Меня, как его командира, тут же наказали. Он был так расстроен, что из благодарности в мое отсутствие заштопал мне носки. Были и другие... У меня в роте был один из Кенигсберга, записной коммунист, очень двусмысленный парень, я ему ни на сантиметр не доверял. Его я позже встретил, в госпитале. Я его спросил: «Что ты тут делаешь? Тебя тоже ранило?» Он говорит: «Нет, у меня воспаление слизистой оболочки». Не хотел он служить, симулянт. Коммунист... тяжело ему у меня было.

– Что такое хороший солдат?

– Хороший солдат – это тот, который серьезно относится к своим обязанностям и их исполняет так хорошо, как только может. Один может лучше, другой – хуже, но если он старается, если он исполняет свои обязанности по своим возможностям, он хороший солдат. Кто храбрый, тому легче, кто трусливый, тому тяжелее.

– Что такое хороший командир?

– Тот, который со своими солдатами обходится разумно. И никогда от них не требует того, что не является необходимым. С ними думает и с ними живет. Тот офицер, который командует подразделением, должен любить своих солдат. Офицер посылает солдата на смерть, эта ужасная обязанность есть у всех офицеров. Когда ты посылаешь солдат в атаку, ты знаешь, что вернутся не все. Но и ты должен идти вместе с ними.

– Какие награды за войну вы получили?

– Железные кресты первого и второго класса, штурмовой значок и значок за ранение в золоте.

– Вы служили в Бундесвере. Разрешалось носить награды вермахта?

– Да, носили денацифицированные колодки. Оригиналы не разрешалось носить.

– В роте вы должны были сдавать какие-то ежедневные отчеты?

– Не должен. В роте ничего не велось, только в батальоне и в полку велся журнал боевых действий.

– Был стандартный бланк похоронного извещения?

– Стандартного документа не было, но командир роты обязан был родственникам каждого павшего персонально от руки писать письмо. Никакого официального бланка не было. Я должен был писать очень много писем, но это было дело чести – поставить родителей в известность о том, как погиб мой солдат.

– Что вы писали?

– Я писал, что должен вам с прискорбием сообщить, что такой-то такой-то служил в моей роте, пал, так и так, очень сожалеем и так далее... Потом это посылалось домой, и в основном эти письма разносили люди из партии. Мои родители тоже два таких письма получили.

– А если пропал без вести или попал в плен?

– Да, тогда тоже ставили в известность. Но как это делалось, я точно не помню, я сам никогда не писал. Павшим я много писал, а таких не писал. Но в любом случае, если что-то происходило, ставили в известность. Разумеется, были ситуации, когда было невозможно это делать – при отступлении, целые части пропадали.

– Вы как ротный могли вызвать огонь артиллерии?

– Да, было так организовано. Артиллерия посылала в пехоту так называемого передового наблюдателя. Это был или офицер, или фельдфебель с рацией. Эти передовые наблюдатели были в ротах, и через них можно было затребовать огонь. Это прекрасно работало, без проблем.

– Последнее ранение вы как получили?

– Очень негероически. Мы выходили из Эстонии и проходили мимо Риги. Там наш батальон, как резерв армии, на один день был выведен из боя. Это было 26 сентября 1944-го. Русский клин уже подходил к Риге, мы отбили его в одном месте и отошли в лес. Там скакали, чтобы мы сидели тихо, никто из леса не высывался, пока не станет ясно, что происходит. Русские появились уже на опушке, но мы сидели тихо, думали, что нас не заметят. Но нас скоро заметили и начали интенсивно обстреливать из 120-миллиметровых минометов. Я лежал в лесу вместе с моей ротой, вырыл укрытие, как обычно, и разговаривал по телефону с моим командиром батальона. Он мне говорил, что нас вот-вот сменят. И тут мина попала в дерево над моей щелью, осколок отрезал мне голень. Я этого не заметил, но мой связной закричал, что я ранен. Я хотел выползти из щели и тут обнаружил, что у меня нет ноги. К счастью, это была последняя мина. Меня быстро положили на носилки, туда же положили мою ногу, которая держалась на коже. Дальше обычным путем, в батальон, там дали морфий, перевязали, было очень больно, на перевязочном пункте врач, который меня уже знал по моим прошлым ранениям, сказал: «А ты опять здесь». Меня прооперировали, врач после операции меня привел в сознание и сказал, чтобы я не давал ампутировать ногу, она снова прирастет. Отвезли в Ригу, в больницу, в ту же самую, в которой я в первый раз был. Потом я попал в госпиталь в Берлин. Абсолютно белый госпиталь, с большим красным крестом у входа, очень хорошо выглядел. Потом на маленьком кораблике туда-сюда перевозили, у меня были ужасные боли. На этом кораблике, у люка, через который нас грузили, стоял белоснежный, как ангел, военно-морской врач, не такой, как мы, грязные, после фронта. Я ему сказал, что мне нужно снять гипс, потому что очень болит, он сделал. Меня обследовали, потом приехали в Свинемюнде, слава богу, там нас выгрузили. Отвезли в госпиталь, мне ужасно повезло, что я попал в университетскую клинику в Росток. Там были известные

специалисты, они смогли прооперировать еще раз, и нога опять приросла. Я потом 30 лет отслужил в бундесвере, а сейчас нога болит, хуже становится.

– **Где вас захватили англичане?**

– В Оберхольцштайне под Килем. Там, в Шлезвиг-Гольштейне, у англичан были так называемые area, А, В, С и так далее, чтобы как-то справиться с потоком пленных.

– **Как вы восприняли капитуляцию?**

– Это, конечно, было ужасно, но это можно было предвидеть. Было понятно, что война заканчивается, это не было сюрпризом. Но, конечно, это был плохой период в жизни любого солдата. Кроме того, я же из Пруссии, был практически беженцем, у меня больше не было родины. Мои родители были неизвестно где, мои сестры были неизвестно где, я был совсем один. Я лежал в госпитале один, профессии у меня не было, я был только солдатом. Что было делать? С другой стороны, хорошо, что мне нужно было заботиться только о себе. Другие должны были обеспечивать свои семьи. Меня опустили из госпиталя в 1946 году, я поехал в Гамбург, к знакомым.

Загер
Михаэль (Sager, Michael)
Синхронный перевод – Ольга Рихтер
Перевод записи – Валентин Селезнев

– Меня зовут Михаэль Загер, я родился 21 августа 1921 года в Мюнхене. Ходил в народную школу, потом в профессиональную школу. Четыре года я учился на переплетчика. Я сдал экзамены и стал подмастерьем, а вскоре я начал готовиться к экзаменам на мастера, но 6 февраля 1940 года меня призвали. Сначала я был в Reichsarbeitsdienst – Имперском Трудовом Агентстве. Прошел обучение в Хинтерштайн, в Альгау, и через несколько месяцев приехал во Францию, в район Кан (Саен, Нормандия). Отбыв примерно полгода трудовой повинности, я вернулся домой к родителям, в надежде побыть дома пару недель, но уже через два дня я стоял в Гармише у дверей школы горных егерей. Там я прошел базовое обучение как горный егерь. Через три месяца нас перевезли в Югославию. Война в Югославии только что закончилась, и мы прибыли как замена воевавшим частям. Там мы были всего несколько недель. Я прошел курс верховой езды, но за все время войны на лошади я ни разу больше не ездил. Только в последние дни войны, когда от нас уже ничего не осталось, в Ольмице в Судетах я поймал белую лошадь. Я подумал, почему бы мне не проехаться? Я залез на нее и проскакал пару минут, пока не заметил, что русские начали по мне стрелять с высоты. Я быстро слез и оставил лошадь в покое. Наши солдаты открыли огонь по этой высоте и заставили русских замолчать.

Вернемся в 1941 год. Из Югославии нас на поезде перевезли в Польшу. В конце июня после однодневного пешего марша для меня, девятнадцатилетнего, началась война. Я участвовал в боях под Уманью и Винницей. Моя четвертая горная дивизия и первая горная дивизия тогда взяли в плен 25 000 русских солдат. Бои продолжались, но больше всего запомнились дневные марши по сорок километров на жаре. Я могу даже вспомнить, как часто я открывал мою полевую флягу и смотрел, не осталась ли там капля воды. Мы шли в направлении Ростова, перешли Дон по большому понтонному мосту. Прошли через Батайск. Я написал книгу, основанную на моих дневниковых записях и письмах, и вот что я записал в тот момент в своем дневнике: «Я молодой человек, прохожу мимо, по меньшей мере, 20—25 мертвых немецких солдат, которые погибли при взятии Батайска и переправе через реку». Я участвовал в боях в предгорьях Кавказа. Я очень хорошо помню один день, был тяжелый бой. С обеих сторон, и с русской, и с немецкой, было очень много раненых и убитых. В трех метрах от меня пал мой товарищ, убитый русским снайпером выстрелом в голову. Много лет спустя после войны я поехал в Айштадт, это между Мюнхеном и Нюрнбергом. Пошел осмотреть местный собор. В нем я разговорился с церковным служителем, который убирал и расставлял цветы. Он спросил, в какой части я воевал. Я сказал, что в четвертой горной дивизии. Он сказал, что его сын тоже там служил в 9-й роте 2-го батальона 13-го полка. Моя рота! Я спросил фамилию. Он назвал. Тогда я ему сказал: «Господин Тюрнер, ваш сын, Алоиз, пал 2 августа 1942 года рядом со мной». Это был отец моего товарища, убитого русским снайпером.

Потом начались бои на Большом Кавказе. Мы, четвертая горная дивизия, взяли несколько перевалов и шли дальше с севера на юг, вниз-вверх, вниз-вверх. Через некоторое время нашу дивизию сняли с высокогорья и отправили в лесной Кавказ, недалеко от Черного моря. Чем дальше мы шли на юг, тем хуже было снабжение. Один раз мы шли через тоннель длиной 1200 метров, в котором стоял поезд с нефтяными цистернами. Когда мы вышли

из тоннеля, то увидели русских пленных. Они жарили мертвую лошадь, я думаю, что эта лошадь была мертва уже много дней, но был такой голод, что они ели это мясо. Если были раненные, то иногда случалось так, что они попадали в лазарет только через два дня после ранения. Случалось, что русские пленные и немецкие солдаты, вместе, до 8 человек, несли раненого в лазарет – двух и даже четырех человек в горах было недостаточно.

21 августа 1942 года мне исполнилось 20 лет, у меня был день рождения. В этот день было облачно, но потом облака разошлись, и я увидел Эльбрус, по крайней мере, я думаю, что это был Эльбрус. И в этот же день, 21 августа 1942 года, немецкая сторона водрузила флаги на Эльбрусе, государственный флаг и флаг горных егерей. В Германии по радио было объявлено, что это великая победа, но великой победой это не было, потому что уже тогда было ясно, что Сталинград падет. В октябре 1942 года, после 18 месяцев в армии, я в первый раз получил отпуск и поехал домой в Мюнхен. Когда я вернулся в часть, в ноябре 1942 года, то узнал, что у горы Семашко, между Туапсе и Сухуми, дивизия понесла большие потери. Это была «Гора Судьбы» четвертой горной дивизии. В роте были очень большие потери среди моих друзей.

В конце января 1943 года мы узнали, что пришел приказ об отступлении. Во время отступления ночью я и еще несколько товарищей ночевали в одном доме. Мы спали на полу и слышали, как в соседней комнате звонит телефон нашего связиста. Мы слышали, как он повторил в трубку приказ: рано утром все население, и мужчины, и женщины, должны покинуть населенный пункт. Их забирали на земляные работы, копать противотанковые рвы. Я до сих пор помню одну фразу из тех, которые наш связист повторял в трубку: «С женщинами обращаться гуманно». Я это рассказываю для того, чтобы вы увидели, как немцы обычно, по крайней мере горные дивизии, относились к гражданскому населению.

Мы были в очень многих маленьких русских домах в деревнях и селах, в городах меньше, и всегда встречали дружески настроенных по отношению к нам русских. Семьи давали нам масло, яйца, воду – то, что у них было. В обмен мы давали сигареты и шоколад. В моей дивизии я никогда не слышал о жестоком обращении с гражданскими, изнасилованиях или о чем-то таком. Я должен добавить, что простой солдат, каким я был, который сидит в окопе, он видит только то, что происходит в 100 метрах направо и налево от его окопа. Что происходит там, дальше, он не видит, он просто исполняет свой долг. Я с чистой совестью могу сказать, что в моей роте и в моей дивизии о жестоком обращении, особенно с женщинами, не могло быть и речи.

Недалеко от Крымской, на Голубой линии, я заболел сыпным тифом. Меня перевезли в Краков. Несколько недель я лежал в госпитале. После выздоровления я был отправлен в роту отпускников в горном санатории, на Вальхен-озере. После отдыха, из Гармиша, я с маршевой ротой вернулся на фронт. Мои товарищи все время отступали, каждый день, каждый день отступление. Так что я встретил их на Днестре, недалеко от Кишинева. Несколько недель мы стояли на позиции. Там я получил телеграмму, что дом моих родителей разрушен во время бомбардировки. Мой отец был управдомом в детском приюте. Там же он и жил в комнате наверху. Этот дом был полностью разрушен. Командир роты разрешил мне позвонить и дал мне 12 дней отпуска. Я приехал в Мюнхен и за 12 дней в воронке от авиабомбы, 6 метров в ширину и 3 метра в глубину, мы с отцом построили хижину в 24 квадратных метра. Дерево и остальные материалы брали из разрушенных домов. Я вернулся обратно в Россию, четыре года был в плену, вернулся, а мои родители так и жили в этом бункере.

По возвращении из отпуска в Кишиневе я отметил у коменданта района. Он мне дал талоны на ужин и завтрак и квартиру, чтобы переночевать, и сказал, что завтра в 14.00 я еду на поезде обратно, из Кишинева в Вену, потому что моя дивизия уже в венгерских Карпатах. На следующий день на поезде я проехал 250 километров и в десять вечера был в Плоешти. На станции к нам подошел машинист поезда, немец, и сказал, что сегодня вечером русские

прорвались у Кишинева. Мне крупно повезло, что я только что оттуда уехал. В венгерских Карпатах мы постоянно меняли позиции, все время отступали, и вышли в Словакию, потом в Чехию. Там я попал в русский плен. Три дня мы шли из Дойче-брод. На эти три дня нам выдали буханку хлеба и банку тушенки на 10 человек. На полпути в Брюнн я увидел, что из окна маленького домика нам машет женщина. Я подбежал к ней, и она дала мне пакет. Я поблагодарил ее и сразу побежал обратно, чтобы не потерять своих товарищей. В пакете была картофельная мука, из которой мы приготовили отличный ужин. В Брюнне нас погрузили в товарный вагон. На рассвете меня разбудил товарищ: «Загер, смотри, куда мы едем». В щели вагона мы видели, как восходит солнце – мы ехали прямо на восток. Приехали в Кишинев. В лагере пробыл два года. Мне повезло, примерно половину из этих двух лет я работал переплетчиком. Это было очень неплохо, особенно зимой. У меня до сих пор есть письмо от товарища, молодого венца, написанное им моим родителям. Он голодал, и мы в нашей комнате иногда давали ему суп и хлеб, зимой одолжили ему шаль, перчатки и теплый пояс. Он написал благодарственное письмо моим родителям, в котором обещал часто за них и за меня молиться. В Кишиневе, на Пасху, был обычный рабочий день, я стоял с тележкой и лопатой, грузил картошку возле забора. К забору подбежала русская женщина средних лет. Она просунула под забором пакет и сказала что-то по-русски. Я не понял, что она сказала, товарищи в лагере мне потом объяснили, что она сказала: «Hristos voskres, Hristos voistinu voskres». В пакете был хлеб, яйца, мясо, еще что-то. Так мы вдвоем или вчетвером получили наш пасхальный обед. Это тоже невозможно забыть. Потом, после двух лет в Кишиневе, меня перевели в Сталино. Там большую часть времени я проработал в шахте. В июне 1949 года я вернулся домой.

– Вы проходили обучение в школе горных егерей. Чему вас там учили?

– После призыва солдаты изучают строевую и уборку. Потом обращение с оружием, сборка-разборка оружия, спортивные упражнения, обучение стрельбе. В Гармише каждый день после обеда, в свободное время, у нас была возможность взять горные лыжи и пойти кататься. Я там катался на олимпийской трассе. Лыжи давали каждый день разные, крепления были на ремнях, не такие современные, как сейчас, стальных кантов не было. Поэтому у нас иногда были травмы, но мы этого не говорили, потому что тогда бы нам запретили кататься на лыжах.

– Альпинистская подготовка у вас была?

– Нас не учили скалолазанию. По крайней мере, в той части, где я был. У нас были только горные марши. Я был на курсах при командующем армией (Frontgruppenführer), в Миттельвальде. Там мы ходили на Западный Карвендель (Westliche Karwendelspitze). С Карвенделя мы вернулись по известному Даммкар, с упражнениями по дороге. Это было единственное занятие в условиях высокогорья. Но было очень много солдат, которые пришли в Россию с хорошей альпинистской подготовкой, но не в нашем полку.

– Какое оружие вы изучали в школе?

– 9-я тяжелая рота, в которой я воевал, имела на вооружении только тяжелые пулеметы – пулеметы на станке. С начала войны и до начала кавказской кампании был MG-34, потом SMG-42 (S – тяжелый).

– В каком звании вы были после окончания школы?

– Егерь, простой солдат. У нас было так: егерь, потом ефрейтор, потом старший ефрейтор. Во второй половине войны я стал старшим егерем. Старший егерь – это унтер-офицер, у него была серебряная петлица.

– Какая у вас была воинская специальность?

– До того как я стал унтер-офицером, я был первым номером расчета тяжелого пулемета. Второй номер носил станок. Третий, четвертый, пятый и иногда шестой номера носили боеприпасы.

– Пулемет был с барабанным или ленточным питанием?

– Патроны были в ящике, в ленте, лента – 400 патронов – в ящике. Станок в сложенном состоянии был как рюкзак, три ножки раскладывались.

– Пулемет был надежный? Проблемы с ним были?

– Проблемы бывают с любым оружием в любой армии. Наш пулемет тоже иногда отказывал, а если долго стрелять без перерыва, то он перегревался. У нас была позиция на Днестре. Ночью русские пытались переправиться на пяти-шести лодках, чтобы занять плацдарм. Я один, вероятно, отстрелял 400 или 600 патронов. Ствол раскалился докрасна, нужно было подождать, когда он немного остынет, и заменить его запасным. У нас их было один или два и перчатки для замены. Русские были на другом берегу на расстоянии 100—150 метров. Видимо, они увидели раскаленный ствол и дали по мне очередь из пистолета-пулемета, она прошла прямо передо мной.

– Прицельная дальность пулемета?

– С SMG-42 я стрелял и попадал на расстоянии 2000 метров. У карабина прицельная дальность была 800 метров.

– Оптические прицелы на пулеметах использовали?

– Да, даже на коротких дистанциях. Пробная очередь, и можно было видеть, куда она прошла.

– Пробный выстрел делали специальным, пристрелочным патроном?

– Нет, обычный патрон. Во время войны у нас не было никаких специальных патронов. Говорят про эти так называемые дум-дум патроны, но я их никогда не видел. И в Германии, во время обучения, у нас не было снайперских патронов, были только так называемые плоские патроны.

– Что вы думаете о русских пулеметчиках?

– Как и у нас, были плохие стрелки, были хорошие. Если бы русские плохо стреляли, у нас не было бы столько потерь. Русских снайперов мы боялись.

– Вы начали вашу войну в России 22 июня 1941 года?

– Нет, мы были еще в Польше, стояли во фруктовом саду. Командир роты вечером 21 июня зачитал нам обращение Гитлера. Я подумал, переживу ли я эту войну. 22 июня мы вошли на Украину. В этот день, 22 июня, мы в боях не участвовали, по всей вероятности, мы были в резерве.

У меня есть фото, сделанное в этот день. Далеко впереди мы видели большой взрыв. Говорили, что там взорвался русский склад боеприпасов. Запомнился первый сильный русский артиллерийский обстрел. Он пришелся по месту, где мы еще полчаса назад спали в сене. Деревня, из которой мы только что вышли, была практически уничтожена. Это очень сильно на меня подействовало.

– Перед началом войны у вас было ощущение, что война неизбежна?

– Знаете, такой молодой парень не очень соображает, что вообще вокруг происходит. Как молодой человек, я знал только, что никуда убежать я все равно не могу, что я сейчас здесь и что мои товарищи тоже здесь. Мы радостных песен, когда война началась, не пели. И нам всегда говорили, что мы воюем против коммунизма. Начало войны не было большим сюрпризом. Мы видели приготовления и знали, что они ведут к войне. До 1936 года мой отец работал на железной дороге. С приходом Гитлера к власти на воротах его предприятия, где работали 6000 человек, вывесили транспарант: «Это предприятие на 100 процентов состоит в Немецком Трудовом Фронте». А мой отец не вступил. Тогда директор Гольвицер, я знал его виллу на озере, вызвал моего отца и сказал: «Господин Загер, у вас семья и трое детей, подумайте еще раз». Мой отец отказался и был уволен. Он был религиозным, а у них в столовой повесили транспарант, на котором было написано, что попов надо повесить на кишках последних евреев – абсолютно радикальный, антихристианский плакат.

– Как сложился ваш первый бой?

– Когда начали стрелять, мне, как молодому человеку, сначала было страшно. Я старался особо не высовывать голову, когда это было не нужно, особенно после того, как на восьмой день войны мой командир взвода, старший фельдфебель, был застрелен в голову, определенно снайпером.

– Вы тогда знали о приказе о комиссарах?

– Да, такой приказ был, но я, скорее всего, о нем узнал, только когда вернулся на родину. Комиссаров я видел. У нас был приказ зачистить лес у Копенковата. Наши самолеты разбрасывали там листовки с предупреждением, что кто не сдастся, тот будет расстрелян. Утром мы зачищали лес, я был простой егерь, возле меня шел товарищ с автоматом. В 20 метрах от нас рос кустарник, который нам показался каким-то ненатуральным. Это был замаскированный окоп. Оттуда раздался выстрел, мой товарищ с автоматом упал мертвый. У фельдфебеля была группа с огнеметами. Они дали струю по этому кустарнику, оттуда выскочил комиссар с одним или двумя солдатами. Тогда этот унтер-офицер его застрелил.

– В начале войны, на Украине, вы встречались с контрударами русских танков и авиации?

– Да, мы один раз пережили русскую танковую атаку, когда я был в так называемом передовом дозоре. Дозор состоял из двух полугусеничных тягачей. В первый раз за долгое время я не шел, а ехал. Мы вырвались на 10 километров вперед. Неожиданно появились 15 русских танков. В качестве укрытия у нас было только хлебное поле. Если бы танки поехали дальше, на это хлебное поле, я бы сейчас вам этого не рассказывал. Хорошо, что с нами был артиллерийский наблюдатель, который вызвал огонь артиллерии, и танки ушли.

– Налеты русской авиации?

– Да, когда мы отступали с Кавказа, мы шли по лесам, потому что на дорогах было опасно из-за авиации.

– А в 1941 году была русская авиация?

– Нет. С самого начала у немецкой авиации было существенное преимущество.

– Вы стреляли по самолетам?

– Да, я могу вспомнить. Это было во время наступления, мы шли по очень пыльной дороге. Полк шел колоннами, как в мирное время, не рассредоточившись. Прилетели само-

леты, и мы от них отбивались только нашим стрелковым оружием. Был такой случай на зимней позиции на реке Миус, восточнее Сталино, зимой 1941 года летел большой русский бомбардировщик и 3 или 4 самолета сопровождения. И два русских самолета столкнулись. Я сам видел.

– Зимой 41-го вы получили зимнее обмундирование?

– Теплой одежды не хватало. У меня была только зимняя шинель. Уже к весне мы получили хорошую зимнюю одежду. Гитлер думал, что он будет в Москве еще до начала зимы. Этого не произошло, хотя немецкие генералы его, по всей видимости, заранее предупредили. Мы, конечно, мерзли. Я от холода получил воспаление почек. Меня отвезли в госпиталь в Сталино. Врач в лазарете мне сказал, что, если бы меня привезли на день позже, со мной было бы то же самое, что с товарищем, который вчера умер. Через три или четыре недели меня выписали. Условия в лазарете были крайне примитивные. Это был простейший бункер, туда надо было вползать, там воняло, и было очень сыро.

– У вас были ХИВИ? Когда они появились?

– Да. Я не помню, чтобы они были у нас в роте. Как я уже рассказывал, русские пленные выносили раненых немцев. В плену, работая в шахте, я встретил одного русского, который мне рассказал, что был ХИВИ. От него я, собственно, и узнал об их существовании. Он не был *nachalnik*, но у нас был начальником группы.

– Были перебежчики с русской стороны?

– Только единичные случаи. Массовая сдача в плен была только, когда мы окружили русских под Уманью. Те, кто ночью пытался прорваться у Копенковата, были расстреляны из противотанковых пушек.

– Что вы думали о вашем противнике, о русских в целом?

– Я думал, что они точно такие же бедные свиньи, как мы. Мы должны были подчиняться приказам. Понятно, что, чем воевать, русские лучше бы сидели на своих *datchka*, но приказ есть приказ.

– А боевые качества? Они были храбрые, трусливые, жестокие?

– В целом трудно сказать. Были некоторые, которые позволяли себе всякие гусарские штуки, чтобы их наградили. У нас тоже такие были. В целом нельзя сказать, что русские в своей массе были очень воодушевлены войной. Возможно, к концу войны у них было по-другому, потому что они уже знали, чем дело закончится.

– Самое опасное русское оружие?

– Я думаю, что минометы. От них очень тяжело было защититься. Как-то раз мы расположились за сеновалом, думали, что нам ничего не угрожает, и тут прилетело... И сталинский орган.

– Вы сами попадали под сталинский орган?

– Да, один раз. Я думал, что это мой последний час. Это было недалеко от Мишкольц, в Венгрии. Мы только пришли на эту позицию и только начали окапываться. Один товарищ уже вырыл щель, и когда сталинский орган нас накрыл, он туда прыгнул, а я прыгнул на него. Слава богу, они промазали на 200 метров.

– У вас были прозвища для русского оружия?

– У русских была маленькая пушка, очень быстрая, мы ее называли ратш-бум. Ночью летал маленький самолет, у нас говорили, что он бомбы руками сбрасывает, мы его называли кофемолка. Он был очень опасный. Даже если вы на расстоянии 2—3 километра от фронта и зажгли сигарету – через очень короткое время рядом разорвется бомба. Они не давали отдыхать. Ты никогда не знаешь, упадет ли следующая бомба прямо в тебя или нет. Потери от них местами были, но оружием, решившим исход войны, они точно не были.

– **У вас было личное оружие?**

– Нет. Я у русского офицера в окружении взял маленький пистолет, в коричневой кобуре на ремне. Еще я у него взял перископ. Потом я его потерял. Пистолет я как-то хотел взять с собой в разведку, но обнаружил, что в нем нет патронов.

– **Вы использовали русское оружие?**

– Нет. У нас были наши пулеметы и МР – пистолеты-пулеметы. Моих товарищей я никогда не видел с русским оружием.

– **Еще какие-нибудь трофеи были? Водка?**

– Нет, ничего. Продукты мы иногда брали, да. На Кавказе, я был в разведке, мы выбили русских из ущелья, у них там, в укрытии, на костре был котел с супом, хлеб, сахар. О стрельбе мы сразу думать перестали, забрали хлеб и сахар, а суп вылили, чтобы русским жизнь медом не казалась. Тут русские атаковали, и мы удрали.

– **Вам давали водку?**

– У нас был так называемый маркитантский ларек, в котором продавали шоколад, кексы, французский коньяк и так далее. Такие вещи нам давали до конца войны, не каждый день. Когда были тихие дни, что-то такое мы получали. Я не помню, чтобы там была водка, немецкая армия получала французский трехзвездочный коньяк, одна бутылка на пять человек. Коньяк был всякий раз разный. Если мы четыре-пять дней стояли на одном месте и было тихо, мы отходили назад, чтобы помыться, и там снабжение выдавало такие вещи.

– **Как было с санитарией, были ли вши?**

– Мы неделями носили одни и те же рубашки и одно и то же нижнее белье. В зависимости от времени года и местности, можно было помыться в реке. Зимой было, конечно, очень плохо. Зимой 1941 года на Миус-фронте наша рота, на расстоянии 2—3 километров от линии фронта, построила сауну. Там был котел, горячие камни и так далее. Иногда, когда было тихо, была возможность сдать старое и получить новое белье. Униформа была все время одна и та же, только зимой 1943 года мы получили анорак и другие брюки.

– **Вши были?**

– Вши были. Это было неизбежно, если неделями не менять белье и нормально не мыться. Именно поэтому я заболел сыпным тифом. Мы были в маленьком доме и спали на полу, на соломе. У людей, которые там были до того, уже был сыпной тиф, и через вшей они нас заразили. В русском плену у нас тоже были вши, мы раздевались догола и их давили. Или выжигали спичками. Иногда мы получали порошок против вшей. В январе—феврале 1943 года, на Кавказе, мы получали порошок против вшей, но он больше чесался, чем помогал. Обоняние у нас уже не работало, я не помню, как он пах.

– **Офицеры на фронте требовали соблюдения формы одежды?**

– Нет, собственно, нет. Я не могу вспомнить, чтобы был какой-то контроль за бельем или что-то такое. В Германии, во время обучения, во время длинных маршей, было так называемое «облегчение», когда разрешали расстегнуть верхнюю пуговицу. В России это, конечно, никого не волновало, даже начальники, фельдфебели и обер-фельдфебели ходили расстегнутые.

– **Русские ветераны говорят, что во время войны они знали, что или ты убьешь, или тебя убьют. У вас было такое же чувство?**

– Прямо так нет. Конечно, мы знали, что, если я не выстрелю, выстрелит он. Но так прямо, чтобы стоять друг против друга и говорить, я стреляю, чтобы я жил, а ты умер, – нет, так прямо не было.

– **Вы относились к войне как к работе, к долгу или, может быть, как к приключению?**

– Приключением для меня это точно не было. Я, как солдат, просто принял войну как данность, потому что других возможностей все равно не было. Я выступал здесь, в Мюнхене, в школах перед подростками, и когда меня спрашивали, почему я куда-нибудь не убежал, я мог только ответить, что тогда я бы перед ними не стоял. И если бы я, как солдат, дезертировал, меня бы или расстреляли, или меня бы долгое время мучила совесть. Были многие, которые уже после начала войны пошли добровольцами. У меня, хотя война была для меня принудительной, был определенный долг перед родиной. Я, кстати, почти единственный из товарищей не приносил присягу. Представьте, март 1941 года, залитая солнцем долина в Гармише, снег блестит, мы стоим больше часа, слушаем речи наших офицеров и национал-социалистических деятелей. Тут у меня потемнело в глазах, я потерял сознание. Товарищи меня подхватили и отнесли в палатку, в санчасть. Там уже лежали двое или трое. И пока снаружи все приносили присягу вождю Адольфу Гитлеру, я лежал в палатке. Но я должен добавить, что, хотя я не приносил присягу, свой солдатский долг я выполнил. Как и русские солдаты.

– **Кто выбирал позицию для пулемета, вы сами или начальник?**

– Начальник. Это всегда был командир отделения, старший ефрейтор или старший егерь, унтер-офицер. Чаще всего он также указывал цель. Не просто цель, но и данные для стрельбы, расстояние и т.д. После этого я, как первый номер расчета, прицеливался, и он командовал открыть огонь. Мы сами не могли просто палить куда угодно.

– **Ночью часто вели огонь?**

– Да, довольно часто. Например, на Кавказе у нас была позиция на возвышенности, нам показалось, что там какой-то шорох, мы открыли огонь. Русских мы не видели, они не стреляли, но ночью нельзя никого подпускать близко.

– **Вы сталкивались с русской разведкой, которая ночью ходила за «языком»?**

– И на русской, и на немецкой стороне ночью ходили разведывательные группы. Их было много. Очень часто русские нападали на немецких солдат в их окопах, наоборот тоже. Именно в нашей роте таких случаев я не помню, но я постоянно об этом слышал.

– **У вас в роте были снайперы?**

– У нас, в пулеметной роте, снайперов не было. У нас в дивизии группы снайперов точно были. Их применяли в зависимости от ситуации. Например, если докладывали о русском снайпере, командир группы снайперов получал приказ отключить русского снайпера.

– **А вы персонально переживали встречи с русскими снайперами?**

– Это было у Днестра. Мне лично, я в этом уверен, снайпер сбил горную шапку. Этого снайпера я, конечно, не видел. Я спускался бегом с холма к реке, деревьев там не было, в кустах у реки у русских был маленький плацдарм. Я тогда нес не тяжелый пулемет, а обычный. Я думал, что вот сейчас надо спрятаться, нельзя долго бежать по открытому месту. Я прыгнул в яму, и в момент, когда я летел в яму, я услышал «патч!», и моя шапка отлетела в сторону. Я ее подобрал, и на внутренней стороне шапки была прядь моих волос, шапку мне сбили с волосами.

– **Была ли разница в подготовке у пополнения, которое приходило в начале и в конце войны?**

– Старые зайцы, которые воевали с самого начала, всегда знали, как себя защитить и как себя вести. Когда приходило пополнение молодых товарищей, они должны были быть очень осторожны, но их все равно иногда убивали. Подготовка у них была, опыта не хватало.

– **Отношение к войне у пополнения, которое приходило во второй половине войны?**

– Когда они приходили, им нельзя было залезть в голову. Но я могу представить, что они дома каждый день слышали и видели, что каждый день так много товарищей из их района или города пали или были ранены. С криками «ура!» они не приходили, это точно. Но что касается подготовки, в целом она была одинакова.

– **Какой был средний возраст у вас в роте?**

– Сначала были еще старые товарищи, которые воевали во Франции и Югославии, им было под 30, мне было 19, и я считался молодым. Чем позже, тем моложе становились проходившие на фронт товарищи. Известно, что 15-летних призывали.

– **Вы деньги получали?**

– Да, но я их никогда не видел. Я после войны даже думал, куда делись эти деньги. Насколько я знаю, деньги приходили мне на счет на родине. Война кончилась, деньги исчезли, я их никогда не видел.

– **Когда вы поняли, что война проиграна?**

– «Поняли» – это не то слово. Мы это почувствовали, пережили, что война проиграна. В течение войны, когда мы отступали, отступали и отступали. Мы видели все эти разрушения, и я очень надеялся, что все это переживу.

– **Русские ветераны говорят, что начиная с 1943 года немцы стали не те, стали другими. Что вы можете сказать по этому поводу?**

– Я могу сказать, почему я лично продолжал воевать, хотя я знал, чувствовал, что война проиграна. У нас не было боеприпасов, а у русских были сотни орудий, но мы сражались дальше, мы держались потому, что знали, что в Германии сотни тысяч беженцев, и мы не хотели большевизма и не хотели попасть в руки русских солдат. Это была главная причина, почему мы воевали до конца. Нам было известно, что многие русские насиловали женщин. Мы были на опушке леса возле Тропау, 200 метров от первых домов, женщины кричали и кричали. Мы знали, что туда вошли русские танки, и там многое происходит.

– **Когда вы поняли, что война закончилась, что-то в вашем поведении изменилось?**

– Да, в момент, когда война для меня закончилась, у меня внутри что-то развязалось, это было уже в первые часы или дни в плену. Внутри я был рад, я бы даже сказал, счастлив, что больше не стреляют, что больше не надо бояться, что больше не надо зарываться в землю. Я в тот момент даже не думал, что я в плену, сам факт того, что война закончилась, был внутренним освобождением.

– **Когда вы поняли, что война проиграна, что-то в вашем поведении изменилось?**

– Надежда у всех была. Чувство, внутренняя просьба, чтобы сейчас, когда война заканчивается, ничего больше со мной не случилось, определенно было у многих. Многие пытались в момент капитуляции оказаться на родине, в границах Германии, но это было невозможно, потому что русские уже почти все окружили.

– **Чего вы боялись больше всего – погибнуть, быть раненым или попасть в плен?**

– Когда мы отступали, когда все время были очень тяжелые бои, когда в любой момент тебя могли ранить или убить, времени об этом думать не было.

– **А когда вы наступали?**

– Были ситуации, когда было страшно, во время сильного артиллерийского или минометного огня. Тогда всем страшно, а если кто-то говорит, что не страшно, то там что-то не так.

– **Какие вы получили награды за войну?**

– Да, я получил несколько. Я три раза был легко ранен – получил знак за ранения. За окружение Умань– Винница ЕК2, Железный крест второго класса. За зимнюю кампанию на Миусе «мороженое мясо». Потом я получил пехотную атаку. Потом знак «ближний бой», на Кавказе в лесу был ближний бой, на расстоянии нескольких метров мы столкнулись с русскими. Этот знак давали, как говорят, «если ты видел белок в глазах врага». В марте 1945-го, прямо перед концом войны, я получил Железный крест первого класса за разведку. Я уточнил нахождение немецких позиций, и мы смогли соединиться. Во время этой разведки меня обстреляли. У меня карманы брюк были забиты боеприпасами. Боеприпасов не хватало, и, когда они были, мы ими забивали все, что можно. У меня боеприпасы были в нагрудных карманах и в карманах брюк. Пуля попала в карман брюк, набитый патронами. Патроны разлетелись, а у меня было только три или четыре осколка в ноге, которые я сразу вытащил. Это уже была моя вторая разведка, и мне дали ЕК1.

– **Как вы хоронили убитых?**

– Очень по-разному. Если было большое сражение, то могло случиться так, что мы не могли всех похоронить. Когда мы наступали, мы видели очень много непохороненных русских. Иногда, на Кавказе, мы хоронили в могилах глубиной 40 сантиметров, потому что там были скалы. На Украине было по-другому, там была хорошая, глубокая земля, там мы копали могилы больше метра глубиной. Но так, как сейчас в Германии, когда могилы обычно 2 метра, мы не хоронили, времени никогда не было. Обычно ставили крест, сначала еще ставили стальную каску погибшего и цветы. Потом, на Кавказе, когда мы отступали, мы не делали холм над могилой, потому что мы узнали, что русские часто раскапывают могилы в поиске обручальных колец и всего такого. Мы со своих павших все ценные вещи снимали.

– **Вы участвовали в рукопашных боях?**

– Первый номер расчета тяжелого пулемета нечасто попадет в такие ситуации. У меня такого не было.

– **Говорят, что в лагерях военнопленных довольно быстро устанавливалась немецкая администрация, и главную роль там играли солдаты, попавшие в плен под Сталинградом. У вас в лагере такое было?**

– У нас в лагере было так, что офицеры были вместе с нами в лагере, они не были отделены. У нас в лагере, как в Кишиневе, так и в Сталино, я не замечал никакой группы плененных под Сталинградом. В лагере в Сталино офицеры получали немного лучшее снабжение. В Кишиневе такого не было, со мной на одних нарах спал артиллерийский капитан из Парижа, который там великолепно жил, а сейчас у него, по сравнению со мной, не было никаких преимуществ.

– **Какая-то иерархия в лагере была?**

– Да. Портные, повара, комендант лагеря, переводчик, переплетчик, столяры, слесари, банщики – они были в привилегированном положении.

– **Вы сами фотографировали?**

– Да, я сам долгое время фотографировал. В 1944 году русские захватили наш обоз за линией фронта, в повозке были наши рюкзаки, и там был мой фотоаппарат. После этого у меня не было фотоаппарата, я не фотографировал.

Во время войны у меня была подруга по переписке. Она мне в Россию прислала 250 писем. Я эти письма послал домой родителям, чтобы они их сохранили. Они их брали с собой в бомбоубежище, чтобы они не пропали. Когда я вернулся домой, я их нашел. Эта девушка мой рукописный дневник, который я ей посылал, перепечатывала на печатной машинке. Мой учитель, у которого я учился на переплетчика, переплел мне четыре книги.

Эрт
Зигфрид (Ehrt, Siegfried)
Синхронный перевод – Анастасия Пупынина
Перевод записи – Валентин Селезнев

– Я родился в 1922 году в Саксонской Швейцарии, южнее Дрездена, у чешской границы, вырос в окрестностях Дрездена, ходил в школу, потом в старшую школу, сдал экзамены на право поступления в университет, а в октябре 1940 года пошел добровольцем в армию, в горные егеря.

– **Перед началом войны у вас было ощущение, что война вот-вот начнется?**

– В воздухе витало напряжение. Мы не думали, что война начнется, но выглядело так, что война мимо не пройдет.

– **Как вы персонально восприняли начало войны? Вы были рады, вы боялись?**

– Персональное отношение – это хороший вопрос. Мы были солдаты, которые выполняют приказ. Приказали вступить в бой, значит, так оно и надо. Если ты стал солдатом и начинается война, то вопроса, хочешь ты или не хочешь воевать, не возникает. Мы думали, что война быстро закончится. После наших успехов во Франции и в других местах мы не думали, что она долго продлится.

Я воевал в третьей горнострелковой дивизии, которой командовал генерал-полковник Дитль. 22 июня 1941 года мы маршировали по Финляндии по направлению к финско-русской границе. Продвигались походным порядком до района нападения на русской границе. На Арктическом фронте, насколько я знаю, война началась на неделю позже, чем на Восточном фронте, в Польше. Потом напали вместе с финнами. Мы наступали из Финляндии в направлении Мурманска.

– **Каким был первый бой?**

– Бой для нас, молодых людей, был очень тяжелым. Мы получили горький опыт потерь, но это была война.

– **Как вы в тот момент оценивали противника?**

– Это очень тяжелый вопрос. Противника мы очень редко видели, но мы знали, что он воюет, стреляет и, точно так же как мы, старается добиться своих целей. Первые встречи? Ну, какие у нас тогда были встречи с русскими – никакие. Мы знали, что русские нетребовательны, хорошо ориентируются и передвигаются на местности. Я не видел ни массовых сдач в плен, ни перебежчиков, а я воевал не только у самого Северного Ледовитого океана, но и в районе Салла—Кестеньга—Куусамо. Там были вековые леса, тайга, и русские там очень хорошо воевали.

– **Что в тот момент было самым трудным противником – артиллерия, танки, авиация?**

– Бороться тяжелее всего было с природой. Что касается авиации, то один раз к нам прилетел русский штурмовик, «рата». Мы спрятались в расщелине скалы. Он попытался нас обстрелять, но мы уже перешли на другую сторону скалы. Точно так же делали русские солдаты. Это опыт.

Зигфрид Эрт

– **Как долго вы в первый раз были на фронте, до того как вас отозвали в школу?**

– С июня по ноябрь. Когда фронт остановился на реке Лица, меня отозвали в военную школу в Потсдам. Там я учился три месяца. Изучал все, что положено знать офицеру – горному стрелку: тактику, руководство подразделением и так далее. В феврале 1942 года мне присвоили звание лейтенант. В мае—июне я вернулся свой в 139-й полк «Нарвик». Третья горная дивизия после тяжелых боев на севере была расформирована. Генерал Дитль сохранил только 139-й полк горных егерей в качестве армейского резерва. С Крита на Арктический фронт пришла шестая горная дивизия генерала Шорнера. Наш полк перебросили в Кестиньгу.

Сначала я был назначен командиром взвода, а это тридцать человек в подчинении, потом стал командиром роты. Ротой я командовал до конца войны, который для меня наступил в октябре 1944-го.

– **По вашему мнению, почему вы не дошли до Мурманска?**

– Очень просто. Дорога была проложена от Мурманска до Титовки, а дальше, примерно 30 километров до границы, не было вообще никаких дорог. Эту полосу не только нужно было пройти, но и организовать снабжение войск – боеприпасы, продовольствие, все через эту полосу протащить. Это можно было бы сделать на вьючных животных или проложить дорогу для колесных машин. Для этого у нас не было сил. Если бы у нас были еще одна-две дивизии, то при определенных обстоятельствах, думаю, мы смогли бы выйти к Кировской дороге.

– **Осенью 1941 года вы получили зимнюю одежду?**

– Мы никакой зимней одежды не получали. Позже мы выяснили, что наша зимняя одежда была отправлена в Африку. Sabotage. В Германии был большой торговый дом Хуго Неккерманн, он в сентябре—октябре 1941-го разработал и изготовил зимнюю одежду для немецких солдат. Но в войска она не поступила.

– **Как вы спасались от холода?**

– Ну как спасались, шинели одевали, бумагу засовывали в ботинки и обматывали вокруг ног. Несколько комплектов белья одевали. Чем больше слоев одежды, тем больше между ними воздуха и тем теплее. Трое легких брюк всегда лучше, чем одни толстые. Когда я был в плену, в октябре—ноябре выдавали валенки. Они лежали штабелями. Перед ними стояла толпа, и каждый вожделел пару valenki. А перед пунктом выдачи был огромный рынок обмена – все меняли на подходящие по размеру. То же самое делали с меховыми шапками.

– **Вы снимали одежду с убитых?**

– Нет. Их хоронили в одежде. Точно так же мы хоронили русских солдат.

На службе

– **Как вы восприняли поражение под Москвой?**

– Никак.

Фронт в 1941 году остановился. Но каждый год или одна или другая сторона начала большое наступление. Фронт удлинялся на два или три километра в ту или другую сторону, но ни у одной из сторон не было сил продолжать наступление, и все опять замирало. На юге, в районе вековых лесов, дорог нет, болота и леса. Если я хочу обойти противника, сначала надо строить дороги, или не будет снабжения. А для этого нужны ресурсы. Мы от Саала наступали до Алакуртти. В принципе оттуда оставалось всего несколько километров до железной дороги на Мурманск, но мы до нее так и не дошли. Мой школьный товарищ

был пилотом «штуки». Он много раз бомбил железную дорогу и попадал. Но в течение всего нескольких часов ее опять восстанавливали.

– Насколько вы, горные егеря, были подготовлены вести войну в лесных условиях?

– Мы были абсолютно не готовы. Хотя труднодоступная местность – это для горных егерей, но воевать в лесу мы не умели. Финны – это лесные воины. У них была тактика «мотти», разработанная в 1939 году, во время русского нападения на Финляндию. Тогда финны научились сражаться в лесу, не держать фронт, а нападать с флангов, избегая лобовых атак.

– У вас были финские проводники?

– Редко. В батальоне был финский связной офицер. Мы вместе работали, но у них было собственное командование и были договоренности на уровне руководства. Они атаковали рядом одновременно с нами, но мы никогда не воевали вместе.

– Советские войска часто засылали в тыл диверсионные группы, 30—60 человек, для атаки опорных пунктов. Делала ли что-то подобное немецкая сторона?

– Мы так не делали. Иногда посылали разведку, но небольшими подразделениями. Я лично никогда в разведку не ходил.

– Какие боевые задачи обычно были у вашей роты?

– Ну, какие задачи? Атаковать, достигать поставленных целей – высоты брать, через реки переправляться.

На севере, у Северного Ледовитого океана, в бухте Питкевоно, высадилась русская разведывательная группа и хотела оттуда зайти на наши позиции. Меня с моим взводом ввели в бой. Мы атаковали, спустились в какое-то ущелье, там мне стало ясно, что дальше мы не пройдем, потому что нас все время обстреливает русская артиллерия на побережье у Пуманки. У меня там была перестрелка с двумя русскими. Они лежали на расстоянии 200 метров, за скалой, я лежал на другой стороне, тоже за скалой, и мы стреляли в друг друга из автоматов. Точно прицелиться было невозможно, потому что и я, и они были очень быстрыми. Позже мы установили, что там была большая группа из 72 морских пехотинцев. Мы ввели в бой целый батальон, чтобы эту группу снова скинуть в море. За ними пришли русские корабли, но мы им этого сделать не дали и взяли в плен несколько русских. Мертвых тоже было много.

– В Варанген-фьорде высаживалось много русских радистов для слежения за конвоями, вы принимали участие в их поиске?

– Да, высаживались, но мы ими не занимались.

– Вы слышали о разведгруппе штаба советского флота?

– Нет. О таких вещах я только читал в книге Чудова, он был наш непосредственный противник. Тогда у нас не было никакой информации.

– Вы участвовали в боях против морских десантов в Мотовском заливе?

– Нет, у нас была тихая позиция, на горе. Нам иногда сообщали, что была русская разведывательная группа, ее скинули обратно в море. В бухте Лица после войны базировался русский атомный флот. В 2002 году, когда было переосвящение солдатского кладбища в Луостаари, мы хотели посетить места боев, нам это не удалось.

– **Какое было отношение к генералу Дитлю?**

– Каждый год 9 апреля генерал Дитль приезжал к нам в полк, был общий праздник. Кроме того, мы Рождество вместе отмечали. Так что знали его лично. Часто мы его не видели, но мы знали, что он на месте, и если что-то происходило, он был немедленно с нами.

– **Как вы восприняли покушение на Гитлера?**

– 20 июля было для нас разочарованием. Как мог немецкий офицер заложить бомбу, чтобы добиться должности, при этом убежать? Те, кто стоял там вокруг стола, ему были до лампочки. Сегодня говорят о господине Штауфенберге, которого расстреляли, но не про тех, кого он там убил. У господина Штауфенберга была одна рука, он мог стрелять, но он заложил бомбу и убежал. Мы, по крайней мере, в нашей части, это событие уж никак не поддерживали. По крайней мере, когда такие дела делают, надо, чтобы они получались. Самому надо было стрелять, а не закладывать бомбу и убегать, чтобы гарантированно убить, если уж на то пошло.

– **После этого покушения в вермахте что-то поменялось, с партийно-идеологической точки зрения?**

– Нет. В общем, ничего. Может быть, на высших уровнях что-то поменялось, но у нас, внизу, ничего.

– **Как вы получали информацию на фронте, у вас были газеты или радио?**

– На фронте у нас были газеты и радио. В плену ничего не было, новости были только от антифашистов.

– **Где вы жили на фронте?**

– Как говорится по-немецки, в «служебных помещениях». Это могла быть палатка, это мог быть барак, если это было расположение части, это могла быть землянка, в зависимости от обстоятельств.

– **Когда вы были солдатом, какое у вас было оружие?**

– Карабин. И штык. Больше ничего.

– **Ручные гранаты?**

– Нет, обычно их не было, их выдавали в определенных случаях перед боем. И у боевого охранения на фронте всегда были. Если часовой что-то замечает, он кидает туда гранату.

– **Что вы можете сказать о карабине?**

– Это было оружие для прицельной стрельбы. Нельзя было просто палить во все стороны. Надо было смотреть, искать цели при каждом выстреле. С пистолетом-пулеметом совсем по-другому, там внизу магазин, нажал – и тра-та-та. А карабин – это охотничье оружие, боеприпасов мало, при каждом выстреле надо целиться.

– **Обычный русский пистолет-пулемет, ППШ, не брали?**

– Они тоже были. В каждом отделении у нас был легкий пулемет. Позже у нас были немецкие штурмовые винтовки и немецкие пулеметы. Они стреляли существенно быстрее, но расходовали существенно больше боеприпасов. Позже я работал логистиком, и я знаю, что исход битвы решается не только войсками на фронте, но и снабжением, которое придет

позже, боеприпасами и продовольствием. Если ничего нет, то они там, впереди, будут стоять и ничего не смогут сделать.

– **Когда вы стали лейтенантом, какое оружие у вас было?**

– Пистолет. В бою – немецкий пистолет-пулемет. Он был надежный и легкий. У меня в конце войны был легкий русский пистолет-пулемет, не знаю, где я его взял, без барабана, со складным прикладом. Он был хороший.

– **Что можете сказать о немецком пулемете?**

– Немецкий пулемет, который у нас был сначала, MG-34, был надежный. Его было легко обслуживать, хотя, конечно, надо было иметь опыт. Русский пулемет был еще с водяным охлаждением, с ним было тяжелее.

– **Пользовались ли камуфляжем?**

– Нет.

– **Вы чему-нибудь учились у противника?**

– Воевать в тайге, прятаться в ветвях или в траве, перемещаться на открытой местности – солдаты этому быстро учились. Приспосабливаться и использовать местность. Еще мы выучили, что если враг прорвался через нашу позицию, то бесполезно стрелять сзади ему в спину. Надо отходить и заходить ему во фланг. У меня была ситуация у Северного Ледовитого океана. Вечером наш батальон атаковал, одна наша рота прорвала русские позиции, тогда русские солдаты втиснулись в расщелины в скалах и, если была возможность, сверху расщелин клали трупы, чтобы там удержаться. И когда мы прошли дальше, они стреляли нам в спину. Такого нельзя делать. Когда мы шли вперед, нашим людям приходилось переворачивать каждый труп, чтобы проверить, мертвый он или нет. Это эмоционально было очень тяжело. Мой товарищ из военной школы, с которым я начинал войну, при этом погиб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.